

ДОШ

СЛОВО

№2 (2) НОЯБРЬ 2003

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Последняя тайна

ХАЙБАХА

ТЕМА НОМЕРА стр. 4

И придет даджал на землю чеченскую стр. 25

ОСТРОВК МИРА стр. 20

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ стр. 16

МАЛЕНЬКИЙ МАСТЕР БОЛЬШИХ ПОБЕД стр. 30

Дорогие друзья!

После выхода в свет первого номера журнала "Дош" редакция получила от Вас много отзывов, писем с поддержкой и предложениями.

Команда, которая делает это издание, постаралась учесть ваши пожелания при подготовке второго номера. Мы надеемся, что Ваши деловые предложения, конструктивная критика будут и впредь нашими помощниками. Так, некоторые читатели хотели бы видеть это издание на чеченском языке. Учитывая существующие реалии, мы решили оставить журнал в русской версии, но уже в ближайшее время написанные по-чеченски литературно-художественные страницы будут выходить в оригинальном виде.

Многие читатели просят публиковать побольше материалов об истории и обычаях нашего народа. Учитывая эти пожелания, мы и в настоящем номере поместили исторический очерк Степана Кашурко. Статья "Кровавое зарево Хайбаха" содержит новые, ранее неизвестные факты галанчожской трагедии.

Тема, посвященная 60-летию депортации чеченцев и ингушей, будет продолжена в последующих номерах.

Наш журнал имеет культурно-историческую и публицистическую направленность. Периодичность выхода – один номер в квартал.

В настоящее время журнал "Дош" стал доступен повсюду. С первого сентября выходит его интернет-версия: www.dosh-journal.ru. Теперь вы можете присылать материалы, заявки и предложения по электронной почте: dosh1@inbox.ru.

Через отдел распространения желающие могут оформить подписку или приобрести журнал оптом и в розницу, обращаться по телефону (095) 782-42-99.

Надеемся на тесное сотрудничество с диаспорами и различными общественными организациями, это поможет нам шире освещать все темы, которые интересуют читателей.

Редакция

ДЕТЯМ С НЕДЕТСКОЙ СУДЬБОЙ Исрапил ШОВХАЛОВ	2
КРОВАВОЕ ЗАРЕВО ХАЙБАХА Степан КАШУРКО	4
«ТРУДНО ДОСТУЧАТЬСЯ ДО МИРОВЫХ ПОЛИТИКОВ» Абдулла ДУДУЕВ	12
«ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ?...» Мария КАТЫШЕВА	14
БЛИЦ – ИНТЕРВЬЮ С ВИКТОРОМ ШЕНДЕРОВИЧЕМ Абдулла Дудуев	16
"ДВА БРАТА МОЕГО ОТЦА ПОГИБЛИ 18-ЛЕТНИМИ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ. ЭТИ ЛЮДИ И ЕСТЬ ДЛЯ МЕНЯ АРМИЯ..." Мария БЛАНД (Продолжение)	17
ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ Тамара АХТАЕВА	20
«ЭТА ВОЙНА РЯДОМ...» Цора БЕРВЕГЕР	24
«УСЛЫШАТЬ АПЛОДИСМЕНТЫ МОЕГО НАРОДА» Тамара ДАДАШЕВА	24
И ПРИДЕТ ДАДЖАЛ НА ЗЕМЛЮ ЧЕЧЕНСКУЮ Мария КАТЫШЕВА	25
«О НЕЙ ПОЗАБОТИЛСЯ БОГ...» Марьям ВАХИДОВА	29
МАЛЕНЬКИЙ МАСТЕР БОЛЬШИХ ПОБЕД Исрапил ШОВХАЛОВ	30
КЛИПИНГ: «ЕСЛИ» Перевод Хусейна ХАТАЕВА	32

12

«ТРУДНО ДОСТУЧАТЬСЯ ДО МИРОВЫХ ПОЛИТИКОВ»
Абдулла ДУДУЕВ беседует с правозащитницей
Зайнап ГАШАЕВОЙ

29

«О НЕЙ ПОЗАБОТИЛСЯ БОГ...»
Слово о Марьям Айдаимировой

30

МАЛЕНЬКИЙ МАСТЕР БОЛЬШИХ ПОБЕД
Апти ДАУДОВ – абсолютный Чемпион Москвы
и России, пятикратный Чемпион Мира

СЛОВО
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
№2 (2) НОЯБРЬ 2003

Издатель и учредитель
«Общественная
организация
«Региональная
гражданская
инициатива – право на жизнь
и гражданское достоинство»
(председатель правления
В. Коган-Ясный,
исп. директор О. Чириков)

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций,

свидетельство ПИ №77-15652
от 9 июня 2003 г.

Адрес правления:
РФ, 103982, г.Москва,
пер. Лучников, 4
тел. (095) 206-86-39.

Над номером работали:
Исрапил Шавхалов
(главный редактор)
Абдулла Дудуев
(зам. гл. редактора)
Марьям Вахидова
Мария Катышева
Тамара Ахтаева

www.dosh-journal.ru ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА

Журнал издан при поддержке института «Открытое общество»

Степан Кашурко
Марина Шатова
Ирина Васюченко
Георгий Зингер
Людмила Алдошина
Макет и верстка
Паша Сахомов

Отдел распространения
Лиза Умарова
тел. (095) 782-42-99

Мнения, высказанные
в авторских материалах
и в интервью, не обязательно
совпадают с позицией

издателя и редакции.
Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат редакции.
Перепечатка без разрешения
редакции запрещена.
При использовании
и цитировании материалов
ссылка на «ДОШ» обязательна.

Типография «Эребус-Принт»
Тираж 3000 экз.
Заказы на размещение рекламы
в журнале «ДОШ» принимаются
по тел. 8-926-225-35-92 или
e-mail: dosh1@inbox.ru

ДЕТЯМ С НЕДЕТСК

Исрапил **ШОВХАЛОВ**

Мы продолжаем следить за судьбой обитателей ЦВР (центра временного размещения) "Серебряники" в Вышневолоцком районе Тверской области. Как уже сообщалось в первом номере журнала, с 1 августа 2002 года беженцы лишены суточного денежного довольствия в размере 15 рублей. А в августе этого года им отказали в продлении регистрации по месту пребывания, что уже и формально "узаконило" их фактическое бесправие. Самым неприятным для привыкших к тяготам жизни людей было то, что их дети в этом году могли не пойти в школу.

Но в самый критический момент на помощь беженцам в очередной раз пришел Вячеслав Измайлов, военный обозреватель "Новой газеты", поддерживающей их в течение всего времени пребывания здесь. Измайлов договорился с руководством пансионата о продлении регистрации беженцам до 31 декабря 2003 года.

8 сентября мы вместе с Измайловым приехали в "Серебряники". На этот раз Вячеслав Яковлевич привез с собой продукты питания, портфели для школьников и другие школьные принадлежности. Только помощь "Новой газеты" помогает выживать тем, кто по воле судьбы и войны оказался сегодня заброшенным в далекую Тверскую глубинку.

После публикации в журнале о положении беженцев в "Серебря-

Вячеслав Измайлов с детьми

никах" мы получили отклик от представителей "Института "Открытое общество" (руководитель программы "Гражданское общество" Елена Ковалевская) и "Института толерантности" (директор центра восточных культур и программный директор Наталья Копелянская). Выехав с нами в ЦВР и изучив обстановку на месте, они подготовили для детей школьного возраста однодневную культурную программу в Твери и Москве. 17 сентября 15 школьников из "Серебряников" в сопровождении коорди-

натора "Института "Открытое общество" в Тверской области Ирины Субботиной прибыли в Тверскую государственную библиотеку имени Герцена, где их радушно встретила и провела интересную экскурсию директор Елена Павловна Баранова.

После обеда того же дня дети оказались в Москве. Здесь, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, их ожидало не менее интересное времяпрепровождение и подарки. Пообедав, не чувствуя

Дети в «Серебряниках»

ОЙ СУДЬБОЙ

Екатерина Гениева общается с детьми

усталости от длинной дороги, школьники тут же пошли слушать лекцию на тему толерантности, успешно выполнили школьное задание. В рамках программы пребывания в Москве они посетили несколько выставочных залов Библиотеки иностранной литературы, проехали по главным достопримечательным местам столицы.

От имени родителей и редакции выражаем огромную благодарность всем, кто устроил этот маленький праздник детям с не очень

детской судьбой. Благодарим лично генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино Екатерину Юрьевну Гениеву за участие в судьбе этих детей.

Очевидно, что такого рода мероприятия существенно способствуют преодолению барьеров психологического и всякого другого свойства у детей, которые в своей жизни видели от взрослых больше жестокости и грубости, нежели ласки и доброты.

Дети в Москве

Мадагова Диана, 8 лет

ГРОЗНЫЙ

*Наш город Грозный стал таким ужасным,
А был когда-то он таким прекрасным.
Теперь здесь властвует война,
Но скажем ей: «Нам не нужна война!»*

*Мы не покинем город наш родной.
Пусть он разрушен, но зато он мой!
Пролило на твоей земле ужасно много крови.
О, Родина моя, терпевшая немало боли!*

*Многострадальный город мой,
Как много бед ты перенес.
Ты видел боли матерей и слышал крики их детей.
Но честь и гордость ты не потерял,
Хотя так много крови повидал.*

*Но верю я – мой город расцветет!
Еще прекрасней станет он, чем прежде
Война, хоть не бесследно, но пройдет –
Есть в сердце каждого огромные надежды!*

КРОВАВОЕ ЗАРЕВО ХАЙБАХА

Степан КАШУРКО

руководитель поискового центра "Подвиг" Союза ветеранов войн и вооруженных сил, кавалер ордена Святого Благоверного князя Даниила Московского.

Всему миру известно об изуверском сожжении эсэсовцами 22 марта 1943 года в Белорусской деревне Хатынь 149 жителей, младшему из которых было всего семь недель.

Но мало кто знает о еще более чудовищном преступлении, тщательно скрываемом властями, которое было совершено через год, 27 февраля 1944 года, в чеченском высокогорном ауле Хайбах, где свои "родные" сталинские палачи заживо сожгли 705 жителей, младшим из которых не было и одного дня!

О дичайшем геноциде в Хайбахе мне стало известно во время похода по бывшим фронтовым дорогам Великой Отечественной войны. И, видимо, Господу Богу было угодно возложить на меня чрезвычайную обязанность — первым задокументировать зверское преступление XX века и рассказать о нем всему человечеству с тем, чтобы подобный страх господний не повторился нигде и никогда. И за это доверие я весьма благодарен Всевышнему.

Так слушайте же, люди, исповедь мою, печальную и скорбную. Узнайте, какие пути-причины привели меня в этот несчастный Хайбах, где вместе с очевидцами, родными и близкими жертв я услышал и увидел, пропустил

через сердце неслыханную доселе трагедию ни в чем не повинных и беззащитных людей.

Слушайте исповедь страшную, рвущуюся из глубины души к вам, читатели, и туда — в бездонную глубину небесного царства, к Создателю, чтобы во всей Вселенной узнали о тех страдальцах, кому суждено было принять мученическую смерть от своих доморощенных палачей.

Слушайте сердцем выстрадавшую исповедь, которую 13 лет терпеливо таил в себе в надежде прихода разумного конца призраку сталинско-бериевской политики, варварской политики, дух которой до сих пор витает над многострадальной Чечней, и ныне истекающей кровью.

Когда же все это кончится?..

ПО СЛЕДАМ РАЗВЕДЧИКА ГЕНЕРАЛА РОКОССОВСКОГО...

На бывших фронтовых дорогах во время поиска мне встречалось всякое — героическое и трагическое. Но то, что я увидел на Украине у старинного города Новгород-Северский, встретилось впервые.

На обрушившемся во время весеннего половодья склоне некогда крутого берега красавицы Десны (притока Днепра) виднелись скелеты коней в

Г. Т. Березовой, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, генерал-лейтенант авиации,

ДОРОГАМИ ПАВШИХ ГЕРОЕВ...

Степан Савельевич Кашурко — руководитель поискового центра "Подвиг" Международного союза ветеранов войны Вооруженных Сил. Три десятилетия ведет он неустанный розыск безвестных героев Великой Отечественной войны. Благодаря его труду только теперь через полстолетия, люди узнают

о трагической и героической судьбе своих отцов, братьев, мужей и сыновей.

"Пропал без вести" — страшный приговор, который вынесла война миллионам советских солдат, оставив лишь робкие лучи надежды семьям и их потомкам. Ведь не секрет, что до сих пор люди не перестают ждать весточки от родного человека и, понимая несбыточность такой мечты, желают хотя бы уз-

нать, где, на чьей земле он похоронен, чтобы хоть раз прийти к его могиле с цветами и вдоволь выплакаться, рассказать ему, как все послевоенные годы без него мыкалась вдова, как детей растила, сколько горя повидала.

Половину всей прожитой жизни Степан Кашурко — журналист, офицер Военно-Морского Флота в отставке, посвятил благородному делу розыска безве-

седлах, останки их хозяев — кавалеристов в кавказских бурках и с саблями. Редкое зрелище! Как выяснилось, это были разведчики 2-го гвардейского Кавказского кавалерийского корпуса, героически погибшие в бою с превосходящими силами гитлеровцев 12 марта 1943 года, выполняя в тылу врага особое задание командующего Центральным фронтом генерала Рокоссовского.

Тщательно обследовав останки одного из героев, я обнаружил: медальон (смертный, как их называли), фотокарточку, вырезку из армейской газеты "Вперед", неотправленное письмо матери Зане в Хайбах и листовку, призывающую немцев сдаваться в плен. (Столь редкое среди чеченок женское имя на моем поисковом пути мистически повторилось: мать Даши Акаева тоже звали Зана!)

Эта редко встречающаяся находка была упакована в непромокаемый индивидуальный медицинский пакет, принадлежавший гвардии старшине, командиру взвода конной разведки 3-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского Кавказского кавалерийского корпуса Газоеву Бексултану Газимахмовичу.

В медальоне и в неотправленном письме-треугольничке значился адрес: ЧИАССР, Галанчожский район, селение Хайбах Начхоевского сельсовета.

С большим волнением читал я заметку "Кавказские рыцари" из армейской газеты "Вперед". Начиналась она подзаголовком: "Лихие рубаки отец и сын Газоевы. Их сабли острые и кони быстрые". Вот что в ней писали:

"Великая Отечественная война свела в один Н-ский полк чеченцев — отца Газимахма и сына Бексултана Газоевых из высокогорного аула Хайбах, где живут счастливые скотоводы на

зеленых альпийских лугах, выращивая тонкорунных белых овец, а над ними парят зоркие орлы да перистые облака в голубом небе. Отец добровольно прибыл на фронт к сыну с замороженными скакунами по кличке Аргун и Хайбах...

Как две капли лучезарного кавказского вина, отец и сын схожи во всем. Статные, красивые, сильные, ловкие и добрые. Оба гвардии старшины. Неистовые весельчаки и храбрые рубаки. У каждого на счету до двух десятков порубанных и несколько десятков раненых фашистов. Их девиз "Наши сабли острые и кони быстрые", "За Родину, за Сталина!"

У каждого красуется на груди медаль "За отвагу" и орден "Красной Звезды", торжественно врученный им в День Красной Армии. И в этот празд-

Бексултан Газоев, фронтовое фото, декабрь 1942 года

ничный день благодарные кавказцы устроили всему личному составу полка чудный жизнерадостный импровизированный концерт. В сложных условиях войны каждому из нас подарили глоток счастья, радостного домашнего настроения.

Озаренные сияющими улыбками однополчане с доброй завистью и восхищением глядели на лихих горцев, отца и сына Газоевых. Еще бы! На своих горячих рысаках, скачущих во весь аллюр, они продемонстрировали высокий класс джигитовки. Затем каждый из них легко поднял на своих плечах своих коней в полном боевом снаряжении, шутливо приговаривая: "Теперь пусть кони покатаются на нас".

В заключение незабываемого концерта отец и сын, ловко выдернув из ножен сверкающие сабли и широко, как горные орлы крылья, распахнув свои мохнатые бурки, словно соревнуясь, разразились в искрометной кавказской лезгинке, в такт музыке которой бойцы и командиры ударяли в ладоши и кричали "Осса, Осса! Молодцы, чеченцы! Долгих лет вам! Высоких боевых наград!"

Соб. кор., капитан А.Певцов".

А вот его письмо к матери, Зане Газоевой, страшно опечалило.

"Родная мамочка, родные братишки Увайс, Умар, Ясу, Муса, сестренки Мари, Сари, Сана, Минат и Айбика! Стойко примите печальную весть с фронта. Нет больше нашего папочки, кормильца нашего. Казнюсь. Не уберег, и потому сердце мое рвется на части. Волосы поседел от горя. Как же вам жить дальше!? Вы еще малы. Кто вас растить будет? Не было бы войны, я бы заменил отца. А то, кто его знает? Над головой кружат немецкие стервят-

председатель Международного союза ветеранов Вооруженных Сил о Степане Кашурко

стных героев, не вернувшихся со второй мировой... Его главное призвание — помогать людям, снимать мучительную тяжесть с их душ.

Первые шаги в поисковой работе он сделал в начале 60-х годов под руководством прославленного полководца — Маршала Советского Союза, дважды Героя Ивана Степановича Конева, в то время председателя Центрального шта-

ба Всесоюзного похода по местам былых сражений. Но главное, сам С. Кашурко стремился сделать все от него зависящее для увековечения светлой памяти тех, кто в суровую пору Отечественной войны грудью защитил нас, а сам, к великому сожалению, оказался незащищенным. Для этого журналисту-следопыту пришлось пройти не только тысячи былых фронтовых дорог и парти-

занских троп, исследовать тысячи затерявшихся в военных архивах документов, но и преодолевать чиновничье равнодушие иных должностных лиц. Ему приходилось извлекать останки погибших солдат из болот, снимать со скал, выкапывать из пещер. К примеру, под Новороссийском, на так называемой "Малой земле", со скал горы Колдун было снято более ста останков

бойцов и командиров. Жуткое зрелище. Скелеты десятилетиями висели на ремнях и плащпалатках, зацепившись за скалы и проволочные заграждения.

Установить личность погибшего война удается при помощи найденных капсул (паспортов смерти) с краткими анкетами внутри, солдатских писем-треугольничков, а также чудом уцелевших документов в

ники, а впереди танки смертоносные. Но что поделаешь? Надо защищать Родину. Изгонять с земли русской погань немецкую. Комдив вручил мне еще один орден – орден Красного Знамени. Посмертно представлен к такому же ордену и отец. По приказу самого генерала Рокоссовского награды его, боевого коня Хайбаха отправят вам. Вас вызовут для вручения. Дорогая мама, идя в военкомат, возьми с собой денежный аттестат. Назначат на детей пенсию до совершеннолетия. Если Аллах оставит меня в живых, вернусь домой с Аргуном. Он, как и я, тоже два раза ранен. Мы с ним неразлучны. В бой – вместе, в огонь – вместе, в воду – вместе. И если суждено – в могилу вместе. Вместе – за Родину! За нашего Сталина!

Мамочка! Наберись сил, успокойся, как можешь, не рви свое нежное сердце. Оно теперь одно на всех. Не плачь, не переживай за нас, за детей. Государство поможет. Наш любимый вождь Сталин поможет!

Отец погиб в тяжелом бою на подступах к Десне в Женский праздник 8 марта. На могиле комдив сказал: "Погиб героем!" Все плакали. Не мог сдержаться и я. Плакал, как в детстве, навзрыд.

Вот прогоним проклятого врага, тогда я поставлю на могиле отца огромный чурт, такой, как у бабушки в Хайбахе, и золотыми буквами напишу: "Спи спокойно, отец! Перед тобой я в вечном долгу. Твой старший сын Бексултан".

Мои родные, дорогие, любимые: мамочка, Увайс, Умар, Ясу, Муса, Мари, Сари, Сана, Минат и Айбика, писать больше нет ни сил, ни времени. Звучит сигнал "К бою!" Аргун знает этот сигнал. Бьет копытом.

Зовет меня. Письмо отправлю после боя. Прощайте! Прощайте! Обнимаю и целую Вас, любящий Бексултан.

12 марта 1943 года. Украина. Десна".

КАК ИСЧЕЗЛО ЦЕЛОЕ СЕЛО

Как и заведено у нас в штабе поиска, о найденном герое я поспешил сообщить на его родину. Для того, чтобы это сообщение привлекло внимание почтовых работников и быстрее попало адресату, письмо послал открытым, с грифом "Особо важное. Найден герой".

"Уважаемая Зана Газоева! Мне суждено было прикоснуться к праху Вашего сына Бексултана и к светлой памяти Вашего мужа Газимахмы, геройски погибших в марте 1943 года на Украине. Вы, наверное, уже знаете об этом по извещениям из Министерства обороны или из военкомата. У меня есть фотокарточка и документ Бексултана. Откликнитесь. Подробности при встрече.

Москва, Гоголевский бульвар, 4, С.С. Кашурко".

Ответ пришел незамедлительно из Грозного со штампом адресного бюро: "Населенного пункта Хайбах в ЧИАССР нет".

Не может быть!.. Еще раз внимательно изучаю "смертник" и неотправленное письмо...

Я немедленно вылетел в Чечню. Ведь бывали случаи, когда нерадивые бесчувственные работники почты ленились доставлять письма в труднодоступные хутора или аулы. Присылали отписки: "Нет. Не значится. Неизвестно" и т.д. А побываешь на родине героя, находишь и родных, и родственников, и соседей.

В Грозном крайне настороженно

встретил меня первый секретарь Обкома КПСС Доку Гапурович Завгаев:

– Верно. Хайбаха в республике нет. Ни в справочнике, ни на карте. Да что вам дался этот Хайбах? Ну, был до войны. А в войну его не стало. Сгорел...

– А люди, жители где? Где мать героя, где его братья и сестры?

Доку Гапурович ахал, охал, и так и сяк уклонялся от ответа, потом нехотя выдал:

– И люди сгорели. При депортации сожгли. Ну, зачем ворошить старое? Что было, то уже травой поросло.

– Там мать героя, надо сообщить...

– Кому? Праху? – съязвил он.

– Да, праху! Дайте вертолет, я полечу. Как это так – сожгли?! – возмутился я. Отец и сын за Родину жизнь положили, а их родных, самых близких людей сожгли! Не в прифронтовой полосе, а за две тысячи километров от фронта!

– Не кипятитесь, – спокойно ответил глава обкома партии. – Все сделано по Указу самого Верховного, Сталина. Говорить и писать об этой истории запрещено. Понятно?

Но я не отступал. Взывал к совести. Требовал. И Завгаев сдался:

– Дам вертолет. Лети хоть в ... тартарары!

Вертолет выделили. Маломощный. Летчики сказали, что в горах над бывшим Хайбахом турбулентное движение воздушных масс, вертолет не удержится, ударится о скалу, и все действительно могут полететь в тартарары, как сказал Завгаев. "Тогда и вы будете "без вести пропавшим"... – предупредили они.

За разрешением и изучением архивных документов о трагедии в Хайбахе пришлось вернуться в Москву. Документы специальной комиссии ЦК

Г. Т. Береговой о Степане Кашурко

военных и других архивах.

Был и такой случай, когда по письму Степана Кашурко на собственные похороны под Смоленск приехал инвалид войны. Найдена была капсула вместе с его оторванной ногой. Кто бы мог подумать в момент находки "паспорта смерти", что его хозяин остался жив?

Приходилось испытанному следопыту разрешать и весьма сложные задачи.

Например, в год 40-летия Победы в Дмитровском районе Орловской области на заболоченном берегу реки Нерусса из воронки от авиабомбы, куда фашисты после жестокого боя сбросили тела 125 советских бойцов и командиров, Степан Кашурко с помощью жителей извлек останки всех убитых и установил их имена.

А в Харькове он совершил поистине героический

поступок. Получив сигнал, что на городском кладбище в могиле Неизвестного солдата находятся останки воина с документами, он, не добившись от властей разрешения на эксгумацию, пошел на смелый шаг: ночью раскопал могилу и извлек из гроба документы. Они принадлежали командиру противотанкового орудия, сержанту, якуту Григорию Окорочу. В результате этого рис-

кованного поступка Степана Кашурко якутский народ нашел своего героя, а харьковчане потеряли могилу Неизвестного солдата. С. Кашурко восстановил имена и выяснил судьбы более 150 тысяч бойцов и командиров Красной Армии, прежде считавшихся пропавшими без вести. Причем всю работу он ведет на общественных началах, используя для хранения найденных солдатских

КПСС, которую возглавлял зам. зав. отделом административных органов ЦК Тикуннов В.С., были в единственном экземпляре и хранились под семью замками у заведующего общим отделом ЦК Болдина В. И. Пришлось обращаться к самому Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он дал разрешение. Спасибо ему.

Обогадившись очень важной секретной информацией, я вылетел в Грозный. Весть о моем твердом намерении заняться Хайбахом мигом облетела республику. В гостиницу ко мне потянулись люди, корреспонденты радио и телевидения. Все умоляли не отступать от намеченного: "Мы на руках тебя понесем в Хайбах!" Дороги и тропы тогда же, в 1944 году, оказываются, были разрушены (взорваны), чтобы не было доступа в запретную зону.

Видя такой необычный поворот дела, председатель Чечено-Ингушского Совета Министров Сергей Мажитович Беков, ингуш, предложил создать чрезвычайную комиссию по расследованию геноцида в Хайбахе. В нее добровольно вошли: очевидец сожжения людей в Хайбахе, в то время бывший заместитель Наркома Юстиции республики Дзияудин Мальсагов, прокурор Урус-Мартановского района, член Президиума Верховного Совета ЧИАССР Руслан Цакаев, член оргкомитета по восстановлению Ингушской автономии Салам Ахильгов, и учитель истории средней школы селения Гехичу Саламат Гаев. Председателем комиссии единогласно избрали меня. Назвался груздем...

И вот 22 августа 1990 года выделенный нам Кабардино-Балкарской мощной вертолет "МИ-8" взмыл над Грозным и лег курсом на Хайбах, на высоту 2100 метров над уровнем моря.

Прильнув к иллюминатору, я заме-

тил, как по склонам гор вверх взбирались цепочкой, словно муравьи, мужчины. Шли они, как мне сказали, уже вторые сутки. "Такое массовое восхождение на высокогорное плато совершалось впервые", — сказал Цакаев.

Любуясь сказочной красотой девственной природы, кто-то воскликнул: "Глядите, это же рай земной!" — "А вон там, выше — ад людской", — проронил угрюмо молчавший Мальсагов.

— По курсу родовая Башня. Это Хайбах! — объявил пилот.

— Не Хайбах, а мертвое царство, — печально поправил Мальсагов.

Совершая круги над этим безмолвным царством, вертолет по настоятельной просьбе Мальсагова завис над черным пятном с торчащими обгорелыми столбами бывшей конюшни колхоза имени Лаврентия Берия, где произошла в феврале 1944 года дикая расправа над мирно жившим населением тихого высокогорного аула. Вглядываясь в это черное пятно. Стало не по себе. Жуткие импульсы исходили от него. Перевел взгляд на одиноко стоящую, как бесшумный часовой, сторожевую башню, немую свидетельницу сожжения более семисот некогда жителей древнего Хайбаха.

Сделав маневр над плотно зажатым скалами плоскогорьем, вертолет плавно приземлился у тоскливо журчащей среди трав и цветов реки Гехинка.

Я ВИДЕЛ РЫДАЮЩИХ ГОРЦЕВ

Сдержать душевный порыв уже не было терпенья, и я кинулся вслед за Мальсаговым. Сделав несколько шагов по колышущемуся черному пепелищу, я почувствовал, что мои ноги основательно увязли в мертвецки дышащей трясине человеческих костей, прикрытых пеплом от сгоревшей соло-

Башня - свидетельница трагедии

менной крыши.

...Стало страшно. Жутко. Я попытался повернуть обратно, но что-то вроде капкана цепко держало мою правую ногу. В ужасе я с силой выдернул ее. Оказывается, она провалилась в грудную клетку обгоревшего человека. Потрясенный, не замечая подходящих ко мне людей, я разгреб руками тонкий слой пепла и увидел женский скелет с уцелевшей пышной косой, до которой огонь не сумел добраться только потому, что она на нее упала, прикрыв своим телом. "Это моя жена!" — услышал я судорожный вскрик. Седой, как лунь, старик Ерохан Сагуев, дрожащими руками держа у сердца некогда пышную косу жены, не смог сдержать слез: "Аминат!.. наконец-то мы встретились..."

документов и редких реликвий в основном свою квартиру.

Степан Кашурко и дальше продолжает свое святое дело. Я уверен, что новые имена безвестных советских солдат будут вырваны из небытия, и вечная слава осенит их своим крылом.

Со всех концов нашей бывшей необъятной страны ему идут письма, раздаются телефонные звонки с

просьбой о помощи в розыске близких. А благодарности, награды?

"Дорогой товарищ Кашурко! Пишут Вам девяностолетние родители матроса Василия Коростова.

Получили от Вас телеграмму, что нашли могилу нашего родимого сыночка. Сколько волнений пережито за 46 лет ожидания. Куда только ни писали, ответ один:

"Пропал без вести". Пропал, и все тут! Не верилось — не мог богатырь такой, как наш Вася, исчезнуть бесследно с земли русской. Дали мы обет не умирать, пока не узнаем, что с ним. И дождалась могила сыночка. Значит, погиб он героем.

Кто Вы, товарищ Кашурко? Из телеграммы не видно. Но кто бы Вы ни были — для нас Вы род-

ной и близкий человек.

Низко кланяемся. Счастья, здоровья Вам. Приносите такие вести и в другие пострадавшие семьи. Пусть знают, где споткнулось счастье их сыновей, отцов и братьев.

Да хранит Вас Господь!"

**ЕСТЬ ЛИ
НАГРАДА
ВЫШЕ?**

Отступив назад из этого кромешного ада, Дзияудин Мальсагов, сильно волнуясь, стал рассказывать потрясенным горцам о том, что ему пришлось пережить на этом месте 46 лет назад, когда он, будучи заместителем наркома Юстиции, прикомандированным в помощь работникам НКГБ депортировать чеченцев в Казахстан, стал невольным свидетелем этого варварского геноцида. Затем обвинительные факты привел Саламат Гаев, много лет посвятивший сбору данных об этой карательной акции. Воспоминаниям не было конца. Они говорили о своих детях, матерях и женах, отцах и дедах, сгоревших здесь заживо. Слушая их, я чувствовал, как гнев и кровь вскипали в моем сердце. И стыд. Стыд... Не хотелось верить, что такой ужас вершился в нашей хвальной социалистической державе, в "самой гуманной и свободной"! Пройдя все круги ада, убитые горем старики-чеченцы находили в себе силы, в который раз переживая незабываемое, рассказывать о постигшем их родных и близких злодействе.

Обо всем, что я в те дни увидел, услышал, прочитал, исследовал, я решил рассказать вам, дорогие читатели. Рассказать всю правду, без утайки и боязни быть преследуемым со стороны тех, кто не хотел и не хочет разоблачения их злодейства, их людоедства.

ОБОРОТНИ В ОБЩЕВОЙСКОВЫХ ПОГОНАХ

Рано утром 23 февраля 1944 года, в праздник Красной Армии, в частях и подразделениях НКГБ и НКВД, заблаговременно расквартированных на всей равнинной территории Чечено-Ингушской республики под видом общевоинских пехотных и артиллерийских подразделений, прибывших с фронта якобы на отдых, прозвучал радиосигнал "Пантера": приступить к поголовной депортации населения.

Девятнадцать тысяч откормленных в семьях горцев оперработников НКВД-НКГБ и СМЕРШа, сто тысяч солдат и офицеров войск НКВД и тридцать одна тысяча общевоинских (всего 150 тысяч, по 3,2 мирных жителя на каждого) в шесть утра ворвались в жилища безмятежно спавших чеченцев и прикладами автоматов стали выгонять их на колхозные дворы и площади.

На этих так называемых сборных пунктах перепуганные мирные люди никак не могли понять: что произошло, что случилось с еще вчера такими вежливыми и гуманными фронтовика-

ми — защитниками Родины? Почему они вдруг превратились в карателей и, нагло матерясь, силком запихивают их, готовивших "фронтовикам" праздничный обед, в крытые грузовики без всяких объяснений?..

Вереницы "студебекеров", предназначенных для фронта, непрерывным конвейером доставляли обреченных на железнодорожные станции и перегружали их в неотапливаемые товарные вагоны для перевозки скота.

180 эшелонов, до отказа набитых растерянными, ничего не понимающими горцами, мчали, не уступая даже воинским составам, в холодные степи Киргизии и Казахстана. На бескрайних просторах Советской Родины они оставляли за собой на перронах, вдоль дорог тысячи умерших, трупы которых родственникам не давали хоронить, но над которыми глумились мародеры, после чего голыми забрасывали в пристанционные ямы.

Надо отдать должное изобретательности Генерального Комиссара Госбезопасности Лаврентия Берия. Его хитроумная уловка удалась на славу: в разгар битвы с гитлеровскими захватчиками он сохранил свои элитные войска. Под благовидным предлогом выселения неблагоприятных народов в Сибирь и Казахстан с фронтов Великой Отечественной были отозваны боеспособные полки и дивизии НКВД-НКГБ. Их послали сражаться в глубоком тылу с беззащитными семьями тех, кто не щадя своей жизни и крови бился с чужеземными полчищами.

Заметим и то, что "провидец" Сталин санкционировал бериевский иезуитский, предательский по отношению и к фронтовикам, план государственного массового "дезертирования" войск НКВД-НКГБ с мест боев и сражений. При этом оголая стрелковые полки и дивизии от военной техники, лишая авто и гужтранспорта, от продовольствия и обмундирования, которых не хватало на передовой. Помните хотя бы по документальным фильмам, где показаны полуголодные, оборванные и полубосые советские бедаогаи-солдаты, которые тащат на себе орудия, толкают маломощные полуторки и ЗИСы по бездорожью. А кони? Некормленные, они из кожи лезут вон, таща по грязи повозки с боепитанием на передовую!..

В эту пору самых решающих битв тысячи мощнейших вездеходов и американских "студебекеров" раскатывают по Северному Кавказу, а сытые, холеные бериевцы в новеньких формах, да еще для маскировки в обмундиро-

вании бойцов и командиров Красной Армии гоняются за женщинами, детьми и стариками, изображая из себя патриотов Советской власти. Гоняются за беззащитными семьями, главы которых кровь проливают на фронте, не ведая, что защищают, по сути дела, бериевщину и сталинизм, что одно и то же — дьявольщину, сатанизм! И вот в тяжелое военное лихолетье главнокомандующий Иосиф Сталин награждает главнокомандующего душегубов Лаврентия Берия высшим полководческим орденом Суворова 1-й степени за героизм, проявленный в борьбе с женщинами, детьми и стариками!

"ПОЛКОВОДЧЕСКИЙ" ДАР БЕРИИ

В День Красной Армии 23 февраля 1944 года чекистско-войсковая операция в Чечено-Ингушетии прошла так молниеносно, что уже в 11 часов дня счастливый Берия, прибывший в Грозный в правительственном, бронированном поезде из Москвы, телеграфировал в столицу победную реляцию:

"Совершенно секретно.

Государственный Комитет Обороны

тов. Сталину

Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека.

На 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, т.е. свыше 20 процентов, подлежащих выселению, погружены в железнодорожные вагоны из этого числа 20 тысяч 23 человека.

Берия. 23.04.1944 г."

* * *

Второй этап выселения из горных районов республики начался на рассвете 27 февраля, после сильного снегопада. По заснеженным тропам с гор невозможно было спускать детей, женщин, больных и стариков. Вниз погнали только здоровых стариков, девушек и женщин.

Немощных же из близлежащих сел согнали в высокогорный аул Хайбах и затолкали в конюшню колхоза имени Берия. Конвоиры объявили: "Если не хотите замерзнуть, утепляйте сарай". Не подозревающие подлого

подвоха люди изо всех сил таскали из стогов сено и солому, толстым слоем обкладывали стены и устилали пол.

В это же время в конюшне совершилось таинство: красавица Хеса Газаева подарила мужу Алаудину двух близнецов. Хасан и Хусейн назвали мальчишек — тут же всем миром выбрали имена. Радоваться бы появлению на свет малышей, но...

Об удачно проведенной акции начальник Галанчоожского оперативного сектора полковник Гранский поспешил сообщить командующему чекистско-войсковой операцией в этом же секторе комиссару госбезопасности 3-го ранга, генерал-майору Гвишиани.

Со слов Мальсагова было так.

— Товарищ генерал, разрешите доложить! — подобострастно рапортовал полковник. — Согласно вашего мудрого плана, чеченцы попались на удочку, утеплили сеном и соломой конюшню и покорово вошли в нее.

Говорил он о каком-то кавалерийском коне, год назад доставленном с фронта по распоряжению командующего Центральным фронтом генерала Рокоссовского многодетной семье погибшего хайбахца.

Этот боевой конь по кличке Хайбах проявил воистину воинственный дух. Увязавшись за своими хозяевами, он метался перед запертыми воротами конюшни. Ржал, угрожающе мотая головой, норовя укусить, бил копытами, брыкался, вставал на дыбы. Сержант Гнус попытался было ухватить его за гриву, так он ударил кованым копытом так, что пришлось срочно вызывать врача.

— Это ж, кстати, очень хорошо! — обрадовался Гвишиани. — К отчету впустите и его в конюшню. На голову будет больше бандитов. Всего 704.

— Товарищ генерал, да и там без коня уже 705 бандитов, — заметил полковник. — Утром в конюшне родилась двойня.

— Кто, мальчики или девочки?

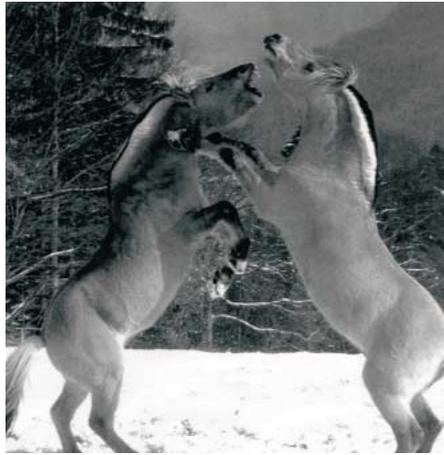
— Мальчики, — заверил полковник.

— Стало быть, бандиты, — удовлетворенно заключил генерал, — в отчете ставь 705. А коня жалко. Под седло пойдет. Ко мне его!

— А что с детворой делать?

Его ждал с докладом Лаврентий Павлович, после чего он обещал сказать, что делать с бандитами.

Ровно в 11 утра Берия вышел на радиосвязь. Из их разговора Гранский понял лишь три слова: пусть красного петуха. Выпив для поднятия тонуса еще пару стопок коньяка, вдохновленный согласием самого Берия, генерал Гвишиани, одев папаху и за-

ткнув за пояс "ТТ", bravо зашагал к обреченным "бандитам".

Став напротив конюшни в позу Наполеона, он, убедившись в готовности подручных, дал команду: поджигай!

С канистрами бензина поджигатели побежали вокруг конюшни.

Женщины отчаянно заголосили...

В ответ из укрытий по конюшне ударили пулеметы трассирующими пулями. Бешеные языки пламени, казалось, метнулись к опустевшим саклям, сторожевой башне, речке Гехинка и, всеми отвергнутые, зловеще рванулись в небо.

Ошеломленный Мальсагов кинулся к Гвишиани: "Там же люди, остановитесь!..."

— И ты туда же хочешь? — рассвирепел палач. — Арестовать!

Охваченная огнем, закричала конюшняя. Обезумевшие от ужаса люди ринулись к воротам, которые, не выдержав напора, рухнули с частью стены наружу. И в эту отдушину хлынули люди-факелы, среди которых была большая семья Гаевых: 110-летний Тутта, его 100-летняя жена Сари, 108-летний младший брат Хату, его 90-летняя жена Марем с праправнучкой, трехлетней Рукият и Аминат пяти лет. Рядом бежали 70-летний сын Хасбек с 60-летней женой Сацитой, подерживая внуков — Ису 7 лет и Мусу — 9 лет. Младший сын Хату, 50-летний силач Алаудин, нес на крепких руках жену, 30-летнюю Хесу с младенцами Хасаном и Хусейном.

Вырвалась из крошечного ада и многочисленная семья героев-фронтовиков Газоевых — мать Зана с пятью дочерьми и четырьмя сыновьями: отдав на защиту Родины мужа и старшего сына, она осталась беззащитной перед своей Родиной, наславшей на нее и ее детей своих карателей.

— Что делать? — растерялся полковник Гранский.

— Твари, разжалобить хотят! —

крикнул генерал Гвишиани и, будто находился на переднем фланге, дико заорал:

— Огонь! Огонь! Огонь!

Не знали горцы, что у палачей вместо сердца в груди отбойные кувалды. Отделение автоматчиков дало длинные очереди разрывными пулями. Перед воротами конюшни выросла гора трупов, по которым всё еще карабкались выползающие из пекла горящие люди. Вокруг стоял невыносимо тяжёлый запах жареной человечины.

С драгоценной ношей дальше всех удалось пробежать могучему Алаудину. Видимо, у автоматчиков не поднялась рука на крошек-младенцев, родившихся всего 6 часов назад. Ещё шагов пять, и Алаудин оказался бы перед генералом. Но генерал-палач не дрогнул перед "бандитами". Навскидку лично выстрелил из "ТТ". Гвишиани был ворошиловским стрелком, и силач Алаудин, сделав ещё пару шагов, припал на колено и нежно опустил любимую с сыновьями на тающий снег.

Хеса, собрав остатки угасающих сил, встала на колени и, прижимая малюток к груди, читая молитву, доползла до ног палача.

Гвишиани полюбостествовал: "Что она лопочет?" Переводчик ответил: "Просит сохранить жизнь младенцам".

Генерал сплюнул и, выругавшись по-грузински, с размаха ударил сапогом в лицо несчастной: "Вот тебе жизнь!"

Опрокинувшись на спину, молодая женщина беспомощно уронила малюток. Они распеленались и покатались в разные стороны, подняв крик.

— В огонь их! Быстрее в огонь, чтоб не мучились! — "сжалился" генерал-палач, и мгновенно крохотные тельца мальчишек друг за другом полетели в огонь. Едва начавшаяся жизнь оборвалась вместе с последним криком младенцев.

Все 705 человек были уже мертвы, когда с неба на жуткое пепелище упали первые капли. Это были слезы упавшего на землю дождем неба. Единственные слезы, оплакавшие невинные жертвы открыто. Но, как оказалось впоследствии, у этой чудовищной трагедии были и другие живые свидетели, чудом уцелевшие дети, ушедшие спозаранку в лес на заготовку хвороста... И те мальчишки, кому в этой панике удалось скрыться в лесу.

"Хотелось бы всех поименно называть, Да отняли список и негде узнать!", — писала о других жертвах, но этой же страны, великая мученица —

поэт Анна Ахматова.

Свой список чеченцы восстановили, назвав каждую жертву поименно в "Белой книге", изданной историком Гаевым, членом нашей комиссии, о чьих родственниках шла речь выше.

Безумно уставший от увиденного и услышанного, под диктовку членов комиссии я составил акт – первый официальный документ о хайбахской трагедии. Вот он:

**АКТ
ОБСЛЕДОВАНИЯ МЕСТА МАС-
СОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ,
ПУТЕМ СОЖЖЕНИЯ
И РАССТРЕЛА,
ЖИТЕЛЕЙ БЫВШЕГО ГАЛАН-
ЧОЖСКОГО РАЙОНА ЧИАССР
ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ
ВЫСЕЛЕНИИ В ФЕВРАЛЕ
1944 ГОДА**

Селение Хайбах. Боевая башня XVII-XVIII вв. Фото Л. Ильясова

22 августа 1990 года
Бывшее селение Хайбах, бывшего Галанчожского района Чечено-Ингушской АССР

Чрезвычайная комиссия в составе: руководителя группы "Поиск" Советского комитета ветеранов войны КАШУРКО С.С. (председатель комиссии), бывшего 1-го заместителя наркома юстиции ЧИАССР МАЛЬСАГОВА Д.Г., прокурора Урус-Мартановского района, члена Президиума Верховного Совета ЧИАССР ЦАКАЕВА Р.У., члена оргкомитета по восстановлению ингушской автономии АХИЛЬГОВА С.Х., учителя Гехи-Чунской средней школы ГАЕВА С. Д. 22 августа побывала (на вертолете) в бывшем селении Хайбах, расположенном в горах на территории Урус-Марта-

новского района.

Произведен осмотр места сожжения и расстрела в конюшне бывшего колхоза имени Берия около 700 жителей, в том числе детей, женщин и стариков.

Заслушаны и записаны на диктофон и видеокамеру очевидцы невообразимой трагедии в горах.

Для подтверждения совершенного злодеяния против ни в чём не повинных людей произведена раскопка сожженных и расстрелянных.

ВЫВОДЫ:

1. Комиссия считает установленным факт массового уничтожения людей в Хайбахе и признает это геноцидом.

Винниковым этого злодеяния предать суду.

2. Призвать государственные и общественные организации и всех граждан оказывать всяческое содействие проводимой по указанному факту проверке.

Акт был подписан каждым из членов нашей комиссии.

Собравшиеся на месте трагедии более 150 человек попросили меня прочесть акт. В установившейся гробовой тишине, борясь со спазмами в горле, я старался читать громко, чтобы быть услышанным всеми. Но мой голос, казалось, существовал отдельно от меня – он звучал как приговор. И, будто почувствовав этот начавшийся суд истории, один из старейшин попросил за всех:

– Дорогой Степан, наш низкий поклон тебе и великая просьба: если возможно, пожалуйста, доставь сюда палача Гвишиани. Не для расправы, а для того, чтобы поглядел на это вот пепелище – дело кровавых рук своих. Нам бы в глаза ему взглянуть...

Просьбу горячо поддержал Дзияудин Мальсагов. Он, все эти годы следивший за судьбой убийцы, сообщил, что по его данным Гвишиани из Москвы переехал в Тбилиси и возглавляет организацию ветеранов-чекистов.

Я пообещал выполнить просьбу немедленно, до того, как кровавого палача успеют предупредить все те же тайные осведомители КГБ, коих надо было ожидать и среди тех, кто продолжал жить в республике, среди чеченцев.

КАК Я ПОЕХАЛ ЗА ГВИШИАНИ

Я знал, как проведу эту операцию. По методу отчаянного разведчика Второй Мировой войны Отто Скорцени, чья дерзость и личное мужество не раз помогали ему совершать безумно

рискованные операции, я решил закопать палача в ковер и тайно вывезти в Хайбах.

Вместе с членом чрезвычайной комиссии Саламом Ахильговым и известным в Ингушетии силачом Исой Оздоевым, одной рукой переносящим под мышкой более 100 килограмм, мы на следующий день на БМВ прибыли в Тбилиси, где нас встретил кандидат в Президенты Грузии Звиад Гомсахурдия. Он с пониманием отнёсся к нашей акции и помог нам проникнуть в роскошный особняк Гвишиани. Но, к сожалению, мы опоздали. Разбитый параличом изувер скончался.

Нас, "историков", любезно встретила его родственница Арцемида, вдова младшего брата Гвишиани, полковника госбезопасности. Респектабельная старушка – бывшая работница аппарата Верховного Совета Грузии – угодливо предоставила нам семейный альбом с фотографиями деверя-генерала. Да, облик палача соответствовал его деяниям. Бесцветные, словно стеклянные глаза. Тонкие, плотно сжатые губы, крепкий раздвоенный подбородок. Одним словом, лицо генерала, не знающего пощады.

Арцемида поведала нам то, о чём знают немногие. Оказывается, изувер Гвишиани в 1947 году сумел породниться с известным государственным деятелем Алексеем Николаевичем Косыгиным. Его сын Джермен женился на дочери Косыгина – Людмиле. Отпрыск палача впоследствии стал Председателем Совета Международного института системного анализа Академии наук СССР, академиком. Умер он в мае 2003 года, немного пережив свою супругу, Людмилу Косыгину.

Одним словом, палач народов Гвишиани избежал расстрела вместе с Берией благодаря Косыгину, вернее, его своенравной и деспотичной жене Клавдии.

– Клавдия Андреевна мягкого и добродушного мужа держала в ежовых рукавицах, – увлеченно рассказывала Арцемида. – Бывало, сидя в роскошном кресле, Клавдия хлопнет по своей жирной ляжке: "Лёша, ко мне!" и никогда не перечивший ей Алексей Николаевич тут как тут. У её ног. "Что, Клавочка, что?" И вот, когда Гвишиани арестовали, она Косыгину предъявила ультиматум: "Пока не добьёшься освобождения свата, с души не слезу". И не слезла до тех пор, пока палач не оказался на свободе.

Далее разговорчивая Арцемида, довольная тем, что мы слушали её с особым вниманием, поведала об

Палач Гвишиани М.И.

очень важном для нас. После выполнения правительственного задания в Чечне, 8 марта 1944 года, в гости к Арцемиде из Грозного прибыл в новом мундире и золотых генеральских погонах деверь. Его красавец адъютант капитан Антонов едва втащил в дом два больших кожаных чемодана. И вот однажды, когда Михаил Максимович Гвишиани где-то задержался, адъютант решил угостить Арцемиду и её детей плиточным шоколадом. Открыл один чемодан и в ужасе обомлел. Ошибся, не тот открыл, который следовало. В том чемодане, набитом до верху, находились награбленные драгоценности: бриллиантовые и золотые украшения, золотые часы, кольца, ожерелья, ножи, кинжалы. Чего только там не было!..

Испугавшись, адъютант дрожащими руками стал закрывать чемодан, и в этот момент на пороге показался выпивший генерал: "Кто позволил тебе открывать чемодан с секретными материалами?" — свирепо закричал и, выхватив из кобуры пистолет, нацелил его на побледневшего от испуга капитана. Арцемиде жалко было красавца-мужчину, и она успела повиснуть на руке деверя. Пуля не задела капитана. Зато он был тут же разжалован и уволен со службы...

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО № 90610010

Через неделю после чрезвычайной комиссии, составившей акт обследования места массового сожжения людей, 31 августа 1990 года, прокурор Урус-Мартановского района Руслан Цакаев возбудил уголовное дело № 90610010, длившееся ровно три года с переменным успехом. Следователю,

юристу I класса Мусе Хадисову, всячески мешали те, кому не хотелось обнародования государственного геноцида. Неоднократно делались попытки изъятия и уничтожения этого нежелательного дела

Однажды, им казалось, почти удалось достигнуть своей гнусной цели. Хитростью выманили следователя в Ростов-на-Дону, где и собирались спрятать "концы в воду". Но...

Вот что сообщал об этом в Генеральную прокуратуру Чечни 20 августа 1993 года этот мужественный человек — Муса Хадисов: "В ходе расследования дела при выявлении конкретных лиц, виновных в уничтожении чеченского народа, дальнейшее расследование руководством прокуратуры ЧИАССР и РСФСР было поручено военной прокуратуре Грозненского военного гарнизона, а после передано дальше — в город Ростов-на-Дону.

На неоднократные требования прокуратуры Чеченской республики вернуть дело обратно прокуратура Ростова-на-Дону и прокуратура РФ не отвечают.

Но мною, прежде чем передать дело военной прокуратуре, оно было предусмотрительно перекопировано и сохранено в его оригинальном виде.

В связи с изложенным остались непривлеченными к уголовной ответственности лица, виновные в геноциде чеченского народа, не дана судебноправовая оценка деятельности высших должностных лиц СССР — Сталина И., Берия Л., комиссаров госбезопасности Серова, Кобулова, Круглова, Аполлонова и других лиц, руководивших совершением тягчайшего преступления

против чеченского народа, выразившегося в его физическом истреблении..."

Далее следуют обстоятельные обвинения вышеперечисленным государственным деятелям СССР. И всё-таки, не мытьем так катаньем, но дело о геноциде в стране большевиков-коммунистов не дали довести до логического конца. В Чечне развязали кровавую войну, и таким образом преступники высокого ранга, совершившие преступление века и подлежащие суду Международного военного трибунала, остались безнаказанными...

Трагедия в Хайбахе — не только напоминание о трагедии всего советского народа. Не только напоминание о том, чтобы люди сообща боролись за свои права, за свою жизнь. Трагедия в Хайбахе — наш национальный позор, который до сегодняшнего дня не жег нашу совесть, нашу душу, но с которым нам отныне надо заново учиться жить.

Более полувека прошло с момента, когда в горах Кавказа кровавым заревом взорвался Хайбах, и его губительное эхо, отозвавшись на горных вершинах, перекачилось на равнинные просторы России и по сей день звучит раскатами орудий и трелью пулемётов, гулом горящих жилищ и душераздирающим криком вконец измученных людей.

Кто остановит эту лавину зла?

Хайбах, август 1991 г. На месте трагедии

«ТРУДНО ДОСТУЧАТЬСЯ ДО МИРОВЫХ ПОЛИТИКОВ»

Абдулла ДУДУЕВ

"Зайнап ищет живые души, пронся простреленное тело своего народа сквозь мирные западные города. Она показывает фотографии. Солдат для борьбы с войной собирает она, солдат без "калашникова". И улыбается с надеждой" – писала о чеченской правозащитнице Зайнап Гашаевой известной и авторитетной на Западе журналист Ирена Брежна.

Зайнап Гашаева удостоена в 2001 году премии Виктора Голланц "За правозащитную деятельность" в Германии, в 2002 году – премии фонда "За свободу и права человека" в Швейцарии.

Зайнап Гашаева

Межрегиональная организация "Эхо войны" была создана в 1997 году на базе существовавшего с 1995 года "Союза женщин Северного Кавказа". Имея базу и опыт работы в "Союзе женщин Северного Кавказа" в первую войну мы хотели объединиться и работать совместно с российскими женщинами. Потому что работы для обеих сторон было предостаточно. Тысячи чеченских и российских женщин объединяло горе: погибли и пропали без вести сыновья, братья и мужья – это требовало нашего взаимодействия, усиления возможностей. С российской стороны сопредседателем является Писецкая Анна Ивановна, потерявшая сына, с чеченской – я.

С огромным сожалением должна констатировать, что основная тяжесть этой работы легла на плечи чеченских женщин. Мы со своей бедой остались одни, ведь вторая война была поддержана практически большей частью общества. На первом же общем собрании, созванном в ее начале, российские женщины сказали нам: "На этот раз наши дети будут сыты, одеты и обуты, и нам там делать нечего" – было очень неприятно и больно. Сейчас, конечно, у наших коллег другое отношение, они понимают, что "контртеррористическая операция" это не решение проблем, а очередная авантюра, губительная в первую очередь для России. Однако, несмотря на это мы тогда не разделились, не распались. Чеченская сторона активно работала на территории Республики и даже сотрудничала с другими российскими правозащитными, гуманитарными организациями. Например, с организацией "Добро без границ" Светланы Бочаровой мы проводили много совместных акций, включая организацию поездок отдыха в Москву для чеченских детей.

Психологически очень тяжело собирать информацию, узнавать, что люди сильно нуждаются, и не иметь возможности оказать хоть какую-то помощь им. Потому мы и постарались совместить правозащитную и гуманитарную сферы деятельности с нашими основными – информационной и миротворческой. К сожалению, эти возможности бывают часто – лишь тогда, когда нам предоставляют гранты западных спонсоров. По своей работе мы, конечно же, постоянно пересекаемся и взаимодействуем почти со всеми российскими и международными правозащитными организациями. Участвуем в антивоенных маршах и демонстрациях. Принимали активное участие в работе комиссии ПАСЕ – Дума.

Информационное направление нашей деятельности в первую очередь заключается в сборе видео и фотоматериала, фактов и свидетельских показаний жертв и очевидцев преступлений военных. С глубокой скорбью должна отметить, что таких материалов у нас очень много, поскольку преступления против мирного населения Чечни не только не прекращаются, напротив – совершаются все чаще. В Европе и на Западе мы демонстрируем все материалы. Обычно проводим там фотовыставки на различных мероприятиях.

Важное место в деятельности организации занимает работа с детьми-сиротами. Мы ведем мониторинг этой категории детей. На сегодня мы выявили уже 6 тысяч сирот только в четырех районах республики и в Грозном, а в одном небольшом высокогорном селении Веденского района Махкеты с трехтысячным населением – 500 сирот. По разным данным число сирот в республике колеблется от 30 до 40 тысяч, а на самом деле и эта цифра не окончательна. Министерство социальной защиты Чечни отказывается предоставлять нам официальную статистику.

Недавно в Грозном мы открыли центр психологической реабилитации для детей-сирот с привлечением местной молодежи и организовали школу для 25 детей разного возраста, которые в свое время были лишены возможности получить базовое школьное образование. Помогаем школам некоторых горных районов. Ведь образование – главное условие для развития любого общества, поэтому мы ведем определенную работу и в этом направлении.

Порой приходится слышать в адрес правозащитников упреки в том, что проводимая ими на международном уровне работа неэффективна. Зайнап Гашаева не принимает этих упреков.

Так говорят те, кто не информирован о нашей работе, либо те, кто сами не могут сделать даже малую толику того, чем занимаемся мы. "Эхо войны" работает на самых разных уровнях. Мы встречаемся и обсуждаем "чеченскую проблему" и возможные пути ее решения в Европарламенте, Совете Европы, с общественностью многих стран. Мы требуем давления на руководство России с тем, чтобы оно соблюдало хотя бы элементарные права гражд-

дан Чечни, требуем не выделять многомиллиардные транши на продолжение войны, требуем создать международный трибунал по Чечне.

Однако очень трудно бывает достучаться до мировых политиков и еще труднее убеждать их. Но в то же время я неоднократно видела в глазах этих людей слезы, сочувствие. И отчаяние: "А что делать?" — это в частных беседах.

Я понимаю, от европейской общественности не очень многое зависит, но с другой стороны, всегда вижу, что положение общества в этих странах совсем другое, нежели в России. Там оно может влиять на свое правительство и требовать от него внимания к обозначенной проблеме.

Было 11 сентября 2001 года. Тогда на Западе в очередной раз оживился интерес к "чеченской теме". Не столько к самой теме, сколько к позиции, противоположной официальной российской. Нас принимали, слушали по несколько часов аудитории от ста до пятисот человек. Интересовались тем, что на самом деле происходит в зоне военных действий, как выживают дети, старики в условиях войны и т.д. Есть европейцы, которые поддерживают нас. Среди них швейцарский журналист Ирена Брежна, которая в 1968 году в результате вторжения советских войск в Чехословакию вынуждена была на двенадцать лет покинуть родину со своей матерью и братом. Она еще в первую войну приехала в Чечню, хотя все друзья отговаривали, в марте 1996 года была в станице Серноводская, подвергшейся жестокой недельной "зачистке" российских военных. Затем она написала об этом книгу "Волчица Серноводска", которая до сих пор очень популярна на Западе. Такие люди оказывают нам огромную поддержку.

Но ни для кого не секрет, что на официальном уровне в Европе и на Западе чеченская трагедия сегодня стала предметом политического и экономического торга в отношениях с Россией.

Большую часть работы организация "Эхо войны" проводит непосредственно в Чечне. Что думает Зайнап, не понаслышке знающая ситуацию в республике, о причинах, побуждающих юных девушек идти на смерть, взрывая себя?

Совсем недавно я встречалась с матерью 17-летней Айзы Газуевой из Урус-Мартана, 29 ноября 2001 года взорвавшей себя вместе с печально знаменитым в Чечне своей жестокостью комендантом района генералом Гаджиевым. Я спросила мать: "Почему вы не сберегли дочь, вы не догадывались, что она способна пойти на такое? А может, вам, и вправду, заплатили?.." И тогда она рассказала мне, почему не в ее силах было предотвратить беду, которой несчастная женщина даже предвидеть не могла, настолько неслыханным казался подобный поступок.

У Айзы сначала забрали, пытали и убили брата. Затем также убили ее мужа, с которым она успела прожить всего десять месяцев. На ее глазах взорвали их дом. Она каждый день видела, как на рынке в Урус-Мартане, где торговала ее мать, этот комендант и его люди оскорбляли, унижали

2001 год, Италия, Перурджи. Марш Мира. Зайнап Гашаева

женщин, нагло забирали вещи и продукты, часто и избивали. Она говорила: "Мама, я этого не выдержу". По словам матери, Айза очень страдала по своему убитому мужу. Мать ей напоминала, что и сама рано овдовела, но она отвечала: "Мама, я твоя дочь, но я не ты". Однако даже предположить, что Айза пойдет на такой отчаянный шаг, мать не могла. "Если бы я знала, хоть заподозрила, что она готовится к такому, я бы ни на минуту от нее не отошла, буквально по пятам ходила бы", — беспомощно выговорила женщина, потерявшая мужа, сына, зятя и дочь. Для 18-летней сестры и 14-летнего брата Айзы трагедия не прошла даром: оба получили порок сердца. Вся семья после случившегося вынуждена скрываться, опасаясь мести со стороны российских военных.

Многие люди благословляют ее, считают, что Айза избавила их от изувера, который пытал, убивал безвинных людей. Но это, конечно, самый худший путь, более того, неприемлемый для чеченцев ни по Исламу, ни по Адату. Этим ничего нельзя добиться, кроме горя и страданий своих родных и близких. Бесспорно, в данном случае молодой, красивой, цветущей девушкой двигала безысходность. Ведь это был первый такой случай. А последующие взрывы "террористок-камакдэ" у меня, как и у многих людей, вызывают массу вопросов.

На мой взгляд, трагедию Айзы Газуевой тут же подняли на щит определенные силы, кровно заинтересованные в продолжении войны. Иначе чем объяснить, что ни по одному подобному делу обществу не предъявили ни единого свидетеля, всех уничтожают мгновенно, будто боятся их. Неужели 100-тысячная группировка федеральных войск, в течение четырех лет по несколько раз вдоль и поперек "обрабатывающая" каждый квадратный метр на территории крошечной Чечни всеми видами оружия, не в состоянии предотвратить взрывы?.. Или не хотят?.. А как быть с тем, что на всех рынках республики можно купить любое оружие и взрывчатку? Торгуют этим товаром не инопланетяне, а российские военные. Вот и посудите, кому война, а кому мать родна?! Если общество не проснется, не потребует к ответу тех, кто приносит в жертву своим амбициям и интересам наших детей, вулкан войны грозит стремительно охватить всю страну, взрываясь то там, то здесь.

«ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ?..»

Мария КАТЫШЕВА

Наверное, в практике любого журналиста есть случай – а то и не один – о котором можно сказать: невероятно! Исключительная судьба... Неожиданный поворот сюжета... Отенок мистификации... Все это делает историю, о которой пишет журналист, особенно запоминающейся и волнующей.

За время работы в известной на Северном Кавказе газете "Грозненский рабочий" (впоследствии – "Голос Чеченской Республики") у меня накопилось несколько таких сюжетов – и грустных, и курьезных... Но никогда бы не подумала, что может произойти что-то интересное тогда, когда я по воле судьбы почти отошла от журналистских дел и поселилась в глухой российской провинции. Деревня есть деревня. Народ, по большей части, не сильно искушен в политике, в хитросплетениях межнациональной проблематики, и потому меня сразу окрестили "чеченкой". Раз приехала из Грозного, то, конечно, чеченка, кто же еще? При этом почему-то добавляли: "номер два".

Оказывается, несколько лет назад в эту тамбовскую деревню уже переселилась русская семья из Чечни. Вот мать семейства, бывшая учительница одной из школ Старопромысловского района, Светлана Николаевна Чернышева и есть "чеченка номер один".

Земляки пришли познакомиться со мной. Это был трогательный вечер с откровениями, воспоминаниями и даже слезами. Чернышевы жили на Старопромысловском шоссе в так называемом милицком доме, уехали из Грозного еще в 1990 году, сразу после первого общенационального съезда чеченского народа. Тогда друзья-чеченцы посоветовали им переселиться куда-нибудь в центральную Россию: "У нас тут скоро неспокойно будет. Молодежь перестала слушаться стариков. Тебе, Петр, как милиционеру, достанется. Да и детей у вас четверо, старшей, Ане, семнадцать, красавица. Мало ли что..." Чтобы никто не нанес Чернышевым обиды, друзья помогли им продать квартиру, упаковать вещи и проводили аж до самого нового места жительства.

Этих людей – своих соседей, сослуживцев, учеников Светлана Николаевна и ее дочь Аня вспоминают с благодарностью. И еще – ностальгия, неизбывная тоска по утраченному городу, по прежней жизни. "Мы здесь чужие... все здесь чужое... Никак не можем привыкнуть..." В той, грозненской жизни были доверительные, теплые отношения с соседями. На русских и нерусских не делились. Праздники отмечали все вместе прямо во дворе. Замкнутых, неулыбчивых людей, с какими пришлось встретиться теперь, тогда и не знали.

"Так хотелось бы сейчас послушать чеченские песни...", – в голосе Светланы Николаевны – печаль и какая-то безысходность.

Я ставлю кассету с записями национальных чеченских мелодий. Мои гости замирают от неожиданности. В тихой

русской деревне, далекой и от сытой Москвы, и от израненного Грозного, на полную громкость, раздвигая стены маленького дома, звучит голос безвременно погибшего чеченского барда Имама Алимсултанова. О войне, о сопротивлении поет он... Легко узнаваемый звонкий голос вызывает радостный возглас: "Тамара! Тамара Дадашева!" Потом зазвучали национальные мелодии. Гости мои, прижавшись друг к другу, вдруг в голос зарыдали: среди записей оказалась мелодия, которая звучала на свадьбе юной Анны в Грозном. Тогда все веселились, собравшись во дворе – и русские, и чеченцы, и ингуши.

– Дружный был дом, хорошие люди, – говорит Светлана Николаевна, – Что с ними всеми стало? Успели ли уехать до войны?

Война сломала судьбы, искалечила души, разорвала, разбросала по белу свету близких людей. Превратила жизнь в банальное выживание по принципу: день прошел – и слава Богу. Мы все стали скитальцами. Даже те, кому посчастливилось более или менее благополучно обустроить свой быт на новом месте, не чувствуют твердой почвы под ногами, не могут смириться с мыслью, что уже никогда не вернуться в милый город, что и нет уже этого города, а если и отстроят его, восстановят разрушенное – это будет уже другой город. Тот мир, который сейчас согревает душу в воспоминаниях, погиб безвозвратно...

И не найти ни утешения, ни покоя всем нам, объединенным отныне одним именем – грозненцы. Мы, чеченские русские, также отмечены печатью катастрофы, обрушившейся на весь чеченский народ. Кто бы что бы ни говорил, но мы – часть этого народа. Многие из нас, оказавшись сейчас на своей этнической родине, попросту не вписываются в здешний уклад жизни. От многих земляков я слышала сетования по этому поводу, на себе ощутила, что значит оказаться "чужой среди своих", и потому без малейшей обиды отношусь к тому, что именуют меня в моей деревне не иначе как "чеченкой".

История, обогатившая сейчас мой журналистский опыт нестандартным развитием сюжета, началась с письма. Принесли пакет на мое имя, но обратный адрес и фамилия отправителя были мне совершенно неизвестны: Солопова Алевтина Ивановна. Первые строчки все объяснили: "Я прочитала вашу статью "Земляк из Грозного" в газете "Континент" и решила вам написать. Если не ошибаюсь, раньше я читала ваши статьи в "Грозненском рабочем"..."

В письме была исповедь, типичная история жительницы Грозного, оказавшейся на седьмом десятке лет выброшенной из своего обустроенного гнезда, скитающейся по великой российской земле в поисках справедливости и какого-нибудь прибежища и не имеющей никаких перспектив. Куда только не обращалась Алевтина Ивановна за помощью, от низов до самого верха (до администрации президента добралась), отовсюду получала один ответ: тем, кто уходил из Грозного после 1996 года, компенсация за утраченное жилье и имущество не положена, так как нет на сей счет нормативных актов.

Феномен российской бюрократической машины давно и широко известен. "Принесите справку о том, что у вас нет справки..." Но и при этом любого здравомыслящего человека возмутит, если гоняют по кругу одинокого и немо-

лодого беженца. Бывшая сотрудница научно-исследовательского института на своей этнической родине превратилась в надоедливую просительницу. Она безуспешно бьется о стену чиновничьего равнодушия и не находит выхода из тупика, созданного федеральной властью.

"Тех, кто уходил из Грозного после 1996 года, особенно перед последней войной, как будто не существует, — писала с обидой Алевтина Ивановна. — Нет нас никого, все испарились. Неужели так возможно? Если где дом взорвут, то его бывшим жильцам оказывают материальную помощь. Если кто пострадал от наводнения — тоже помогают. А нас государство обездолило и обездомило, и дела до этого никому нет. Как быть дальше? Где искать справедливость? Здесь никто не может представить, что произошло в Грозном. Как обычно, сытый голодного не разумеет..."

Писала Алевтина Ивановна о том, как ездила в Грозный за всевозможными справками — без бумажки, говорят, ты букашка, а с бумажкой — человек... Заодно взяла справку и о том, что квартира ее в милицейском доме по Старопромысловскому шоссе разрушена и восстановлению не подлежит.

Такие вот удивительные совпадения случаются. Беженка пишет о том самом милицейском доме, о котором рассказывала мне и Светлана Николаевна Чернышева.

— Ты случайно не знала такую женщину — Солопову Алевтину Ивановну? — спросила я ее при очередной встрече.

— Как же, конечно, знала — моя соседка по дому. Я очень беспокоилась за нее, за других жильцов: где они, живы ли, как устроились? Даже хотели в передачу "Жди меня" написать, разыскать кого-нибудь...

Между бывшими соседками началась переписка. С разрешения Светланы Николаевны я приведу цитаты из письма, которое она сразу получила в ответ. Приведу по той простой причине, что в письме этом спокойно, без всхлипов, без трагического надрыда рассказывается о судьбе грозненцев, простых мирных граждан разных национальностей, испивших горькую чашу войны. Автор письма рассказывает о пережитом без лишних эмоций, как говорят о неизбежном, с которым приходится мириться. Смирение и терпение — вот чему еще научила нас война. Пониманию того, что каждый житель Чечни оставлен один на один со своими бедами. Бесплезно рассчитывать на сочувствие федеральных чиновников, насквозь пропитанных духом коррупции. Если кто тебя и поймет, примет, посочувствует, поддержит — так это твой земляк, человек, прошедший сквозь тот же огонь, сквозь который пробирался и ты.

Примечательная деталь есть в этом письме: русская беженка говорит о своих соседях — чеченцах с большой теплотой, благодарна им за поддержку в трудную минуту. На фоне оголтелой пропаганды, раздувающей межнациональную рознь, простые, по-житейски обыденные слова "в автобусах русских можно пересчитать по пальцам, но враждебности я никакой не чувствовала, по пенсионным делам даже ездила в Гойты... неделю жила в чеченской семье", — звучат убедительным опровержением заданной лжи.

"Уходила я из Грозного 4 ноября 1999 года, когда город был уже пустой. Вещи я не вывозила, потому, что некуда было, да и надеялись, что обойдется. Потом я попала в Грозный в марте 2000 года с великим трудом. Добиралась с одной женщиной, с Минутки она. Мы приехали на Ханкалу, а оттуда я шла пешком через весь город, одна. Обгоняли меня только танки, БТРы, БМП. Жара была жуткая и пыль. К вечеру доплелась до нашего дома, вернее, до того, что было домом. Ночевать пришлось на блок-посту, а на другой день я уехала из Грозного на машине "Медицины

Светлана Николаевна Чернышева. Деревня Хоботово, Тамбовская обл.

катастроф", как раз тогда они впервые собирали из подвалов и разрушенных квартир стариков и всех желающих уехать. Довезли до Назрани...

Второй раз я была в Грозном в 2002 году, тоже в марте. Наш дом разрушили окончательно. Уцелевшие окна, двери, сантехнику, оставшиеся вещи разграбили. Моя-то квартира выгорела еще в 1999. Снаряд влетел со стороны двора, сорвав балкон, пролетел через зал и вылетел в окно. Все сгорело. Я в чем уезжала, с тем и осталась.

Мне рассказали, что стало с теми, кто еще оставался в доме после моего ухода: Анна Квинтовна, Клавдия Ивановна, несколько других женщин. В подвале их всех и расстреляли. Когда все немного утихло, за Клавдией Ивановной приехала сестра из Червленной, а Анну Квинтовну похоронила Марина, заведующая почтой. Они дружили.

Вообще Старопромысловский район разрушен почти весь, особенно от Нефтянки до городка Маяковского. Риту, что жила на пятом этаже, убили еще в августе 1999 - го. Она дружила с Лилей из соседнего дома, ну, их всех троих: Риту и Лилю с мужем. А днем раньше Ивана Ивановича тоже убили. Ты его помнишь? Муж Федотовны. Ее саму тот забрал в дом престарелых...

Дом, который рядом с "Радугой" (кинотеатр), сохранился лучше всех. Разрушения есть, но не такие сильные, как в нашем доме. Там живут Джанхотовы, помнишь Асю Джанхотову? Я была у них, и Таус водил меня к Лечи с Лизой...

Ну, что город разрушен очень и очень сильно — это значит, сказать мало..."

Картинка с натуры. Голая правда непонятной войны. Правда, что доказывает вопреки телевизионной и газетной пропаганде: несмотря на зверства войны, на унижения, лишения и страдания, кровь и боль, простые грозненцы не утратили доверия друг к другу, не позволили провести между ними, людьми разных национальностей, полосу отчуждения и враждебности. И потому нынешняя наша ностальгия — не просто тоска по прошлому. Это и грусть по настоящему, по тому самому настоящему, в котором многие, очень многие грозненцы сохранили чистоту, бережно пронесли сквозь войну способность сопереживать, сострадать, идти на помощь по первому зову. Увы, многие беженцы из Чечни давно не встречались с теплым, человечески-доверительным отношением.

Проблем в России предостаточно, всем живется тяжело. А если, говорят, вы вышли из войны, так это ваша проблема.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ:

**"Иногда
каждому
СТОИТ
оторваться
ОТ СВОИХ
художеств"**

Его программы стали символом независимого телевидения в период, который казался тогда расцветом демократии. Это был интересный и редкий на отечественном телевидении жанр — фельетон. То, что его программы оказались невостребованными после закрытия канала "ТВС" говорит о растущей нетерпимости власти, стремящейся все более урезать свободу телевидения, и так уже весьма относительную.

Виктор Шендерович — один из инициаторов и постоянных участников антивоенных мероприятий в Москве в 2003 г., которые проводятся, несмотря на административные препятствия и отстраненность значительной части граждан, когда телевидение и пресса вовсе не считают их заслуживающими внимания.

Мы задали Виктору Шендеровичу наши вопросы.

Вы принимаете активное участие в акциях против войны в Чечне. Что побуждает к этому вас, человека, не имеющего прямого отношения к войне?

"Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе".

Джон Дон.

Почему на ваш взгляд антивоенные митинги в Москве не собирают более сотни-двух людей?

Люди не понимают, что эта война — против них. До тех пор, пока не гибнет кто-то близкий.

Что дают антивоенные акции?

Возвращение гражданского достоинства.

"Сон разума порождает чудовищ". К чему могут привести сон и равнодушие общества, в первую очередь интеллигенции?

Да уже и привели. К войне, которая длится почти десять лет — и все еще не осознана как война.

Как, по-вашему, надо решить чеченскую проблему России?

Для начала признать, что это проблема политическая. И сесть за стол переговоров.

Вечная тема — противостояние художника и политика. Как вы ее для себя формулируете и решаете?

Бывают моменты, когда каждому стоит оторваться от своих художеств.

Кстати, вас не посещала мысль перейти в лагерь политиков? Ведь с вашей популярностью в народе — у вас неплохие шансы...

Были предложения — и неоднократные. И шансы, безусловно, есть. Но политик — это отдельная профес-

сия. И я пока не готов пожертвовать ради нее профессией литератора.

Как бы вы охарактеризовали общий уровень современной отечественной журналистики?

Есть всякая журналистика — и, я думаю, не стоит обобщать. Но средний уровень, конечно, невысокий, и главное, помаленьку уничтожаются критерии.

Что можно противопоставить всякого рода фобиям, которыми зачастую манипулируют СМИ?

Противопоставить во все времена каждый может только себя.

Если бы вам сейчас предстояло делать "Куклы", какой сюжет из политической жизни вы бы взяли за основу?

У каждой недели — свой сюжет, своя "температура". На минувшей неделе в основе сюжета была бы ситуация с Гусинским и ужасом, обывавшим нашу прокуратуру от его неожиданного ареста: ведь дела-то уже нет...

Виктор Анатольевич, что на очереди после "Итого" на НТВ, "Помех в эфире" на ТВ-6, "Бесплатного сыра" на ТВС? И где?

На очереди — работа на радио "Свобода" и "Эхе Москвы". Надеюсь, из-за этого их не закроют.

Беседовал Абдулла Дудуев.

"ДВА БРАТА МОЕГО ОТЦА ПОГИБЛИ 18-ЛЕТНИМИ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ. ЭТИ ЛЮДИ И ЕСТЬ ДЛЯ МЕНЯ АРМИЯ..."

Продолжение. Начало в первом номере журнала "ДОШ" за 2003 г.

Мария БЛАНД

Вячеслав Измайлов – один из немногих офицеров в российской армии, так и не сделавших карьеру в самое "звездное" для военных время...

Приехав однажды добровольно на войну из теплого, уютного кабинета военкома, он сумел сохранить свое звание майора как высшую офицерскую доблесть и честь. За две войны, на которых ковались головокружительные карьеры и дождем сыпались высокие награды, единственная звезда на его погонах приобрела блеск золотой звезды Героя страны, так и не научившейся ценить человека за спасение жизни своих граждан...

Сотни спасенных им жизнью российских военнопленных, сотни мирных жителей, спасенных от голодной смерти, остались незамеченными властью, все еще не желающей признать, что ее политика в Чечне заведомо ведет в тупик...

Два просвета на его погонах были единственными просветами, которые позволяли чеченцам искать в российской армии следы своих "пропавших без вести", "зачищенных" родных и близких... И он шел им навстречу открыто, без страха за свою жизнь, за свою безопасность...

Его отправили в запас именно тогда, когда его редкий опыт общения с "противником" был всего необходимее... И он ушел. Не оглядываясь...

Не сожалел...

Потому что для него все началось не сегодня, а еще тогда...

...Это было время, когда Лебедь подписал перемирие... предварительное соглашение о прекращении огня. Это еще не Хасав-Юрт. Мы не стреляли, и чеченцы не стреляли. Но они стали подходить близко. Мы не стреляем. Наши в окопах спали, а чтобы их сонными не взяли в плен, я стал обходить окопы. Смотрю, свет горит. Я подошел. Солдаты пьют чай с молодым офицером, москвичом. В июле он закончил училище, а в августе уже оказался здесь. И один солдат среди них, контрактник, которого перевели из 245 полка.

Когда этот полк выходил в июне месяце из-под Шатоя, контрактников передали в другие части, а этого оставили в 205 полку. И он рассказывает, как убивал людей. Чеченских детей, семи-восьми лет, троих, он убил, как говорит, чтобы из них не выросли боевики. Он видит, что я подошел, но продолжает, уже зная, как я ко всему этому отношусь. Этот человек, значит, не боится никого...

Я в тот момент просто растерялся. Спрашиваю у него: "Сколько было этим детям?" Он спокойно отвечает: "Семь-восемь..." Даже не понял, почему я его переспросил. За все время, что я находился в Чечне, был в разных ситуациях, и когда меня командиры ставили по стойке "смирно!", Шаманов угрожал и т.д., я не боялся. А тут впал в замешательство. Он говорит: "Вернусь после войны, мне никто слова не скажет. А если скажет..." Я спрашиваю: "И что ты сделаешь?" Он на меня так посмотрел... Не сказал, что убьет... "Я с ним разберусь!" – так выразился. Он демонстрировал мне, что не только этого лейтенанта молодого, но и меня, майора, не боится. Все бойцы сидят рядом. Никто ничего не говорит. Я посидел с ними, послушал...

Молча вышел. Проверил другие посты... Всю ночь думал... Дождался рассвета, вернулся к ним, поднял всех, построил, вытащил его перед строем и говорю: "Вы знаете ме-

ня? Я майор Измайлов. Живу под Москвой. В Жуковском. (Назвал дом. Квартиру.) Я все сделаю для того, чтобы о вас узнал весь мир". Он так опешил. Все молчат. "Чтобы весь мир узнал и ваше имя, и вашу фамилию, – говорю я ему, – все узнают, что вы убийца". Впоследствии я узнал, что среди них были ребята, которые служили в Афганистане. Они подходили ко мне после и говорили, что такой дикости не видели, что тоже, растерявшись, не знали, как поступить. А дальше произошло следующее.

Офицер, оказывается, поддерживал эти настроения. Видимо, он рассказал кому надо, что я сделал. Приезжает туда руководитель особого отдела 205 бригады, начальник того нашего офицера ФСБ. Подзывает меня к себе и говорит (а я его хорошо знал, он месяца три уже был в Чечне): "Товарищ майор, вас для чего сюда послали?" Я сказал, что я старшим здесь от 205 бригады, прислан командиром. "Для чего вас сюда послали? – наседает он. Какие настроения вы здесь проводите среди людей?" Я, конечно, понял, о чем речь... "Это о вас говорят, что вы без головного убора к боевикам ездите, что они в вас не стреляют?" – спрашивает он, ну и все в таком духе. Я не выдержал, говорю: "Ты кто такой? Я на тебя плевать хотел!" – "Я тебя уберу отсюда! Ты будешь у меня в кабинете объяснительную писать". – "Даже если бы ты был в генеральских погонах, – говорю я ему, – я бы ничего не подписал, в кабинет твой не вошел бы!"

А он был подполковником. Пререкались какое-то время. Поняв, что ему со мной ничего не сделать, он уехал...

Несколько раз, когда разведбатовцы хотели грабить чеченские дома, они говорили, что меня вызывает командир бригады. Приезжаю, а они уже кого-то ограбили. Я перестал реагировать на эти липовые вызовы. После того, как уехал этот начальник особого отдела, происходит следующее. Да-

Вячеслав ИЗМАЙЛОВ

ли команду разведбату оттуда сняться. (Вот-вот должны были подписать Хасав-Юртовские соглашения.) Для прикрытия отхода надо было оставить группу, человек двадцать. И оставляют как раз эту группу, с контрактником. Вместе с гаишником Адамом, хороший очень парень был, в Саратове отучился, мы пошли с ним в сады и набрали два ведра фруктов для ребят. Лето уже кончалось, а мы фрукты не видели. Идем с ведрами, и боевики едут. Дурацкая ситуация... А мы далеко забралась... Там были частные дома. Хозяйева спрятали меня на женской половине. Боевики туда не заглянули. Потом мы, прихватив свои яблоки, дыню и арбуз, что нам дали хозяйева, пошли к своим. Командир разведбата сказал, что я поеду с ними, но добавил: "Решайте сами". Война так надоела... Я был рад убраться оттуда подальше. Так смешно было. Все берут автоматы, бронежилеты... А я взял дыню подмышку и иду к машине. Все погрузились, гаишники уже уехали. Остались только эти двадцать человек. Я иду к своему "Уралу", на котором ездил к боевикам. Боковым зрением вижу, что они смотрят на меня. И этот контрактник бросил вслед: "Ну, до свидания, товарищ майор!" Сказал таким тоном, что, мол, ты нас тут воспитывал, а теперь, когда возможен бой, уходишь в тыл.

Я шел с этой дыней, а сам все время думал, как мне поступить? Потом отдал дыню водителю и сказал, что остаюсь. Если что с ними случилось бы после моего отъезда, никто из оставшихся в живых меня уже не воспринимал бы, как раньше. Этого я не мог допустить. Даже после того, как я у боевиков, рискуя жизнью, забрал трупы, меня слушались день-два, а потом опять надо было начинать все сначала. Была вторая половина дня, уже смеркаться начало... Ну, думаю, боевики – ладно, тут эти... Неизвестно, от кого пулю получишь... Я безоружный.

Просидеть здесь благополучно весь август и не остаться в живых?.. Стал думать, где бы занять оборону? Часть людей находилась на крыше десятиэтажного здания. Решил подняться туда. Главное не пустить боевиков в дом, иначе их оттуда уже не выбьешь (смеется), все равно поднимутся на крышу. Эту ночь мы не спали. Все слушались меня. Остальные дома были уже заняты боевиками. (Смеется.) Наступает утро. Кричат мне: "Вас срочно вызывает командир бригады!" А число было 28-е. Уже подписаны Хасав-Юртовские соглашения. Я был рад выбраться оттуда, но сказал, что не верю им, так как они меня не раз обманывали. Тогда мне передали радиостанцию. Меня действительно вызывали. До конца дня мы все должны были сняться... На БТРе я поехал в аэропорт узнать, зачем я понадобился. Оказывается, фсбэшник пожаловался на меня, что неправильно себя веду, настраиваю против...

Сидит командир бригады генерал Назаров, рядом с ним генерал с Округа. Я доложил о прибытии. Он на меня смотрит в упор, наверное, думал, что опущу глаза, и говорит: "На тебя жалуются". – "Кто?" – "Разведчики и ФСБ. Как ты думаешь, на что они жалуются?" – "Только на то, что не даю им грабить", – ответил я. Он за свое: "Ты, говорят, к чеченцам едешь без головного убора. Связь с ними имеешь какую-то..." Мне было уже на все наплевать. Как он ставил вопросы, так я и отвечал. А то, что контрактник детей расстрелял?.. Об этом ни слова!.. Для них это пустяком было...

Был в Шалах в мае 1996 года такой случай с одним... Таштамиров, по-моему, если не запомнил... Брат у него еще в правительстве работал. Разведбатовцы завезли его в лес, посадили на фугас, взорвали, забрали деньги, вырванные за бензин, а машину пригнали в бригаду, где она и находилась постоянно. Все знали, откуда и чья эта машина. Родственники все искали пропавшего, не могли найти. Я потом узнал про это. От человека после взрыва ничего не осталось... Так что для них – дети, не дети... Им без разницы. Я писал про

тот случай.

"Я подумаю, что с тобой делать", – говорит он мне. На следующий день вызывает меня к себе и объявляет, что решил отправить меня в отпуск. Война еще не закончилась, никого не отпускают, а мне в наказание – отпуск!.. Как потом выяснилось, исходило это от Квашнина – убраться меня из Чечни. Они вычисляли, кто за мной стоит в Москве... (Смеется.) Честно сказать, я был рад убраться из этого бардака. Попросил разрешения поехать на Ханкалу за путевкой в санаторий. На 10 сентября у меня был билет. Взял я путевку. К КПП мне запрещено было даже близко подходить. Только в части надо было сидеть до отъезда.

С Говорухиным работает Виталий Иванович, он тогда руководил группой розыска без вести пропавших в Чечне, сейчас он на пенсии. Была создана совместная комендатура. От МВД на переговорах старшим был генерал-полковник Федоров. Вызвав совместный наряд, он уехал на переговоры с боевиками, а Виталий Иванович на служебной "Ниве" что-то задержался. Чтобы уехать с Ханкалы туда, в центральную комендатуру, нужно было опять вызывать наряд. И он увидел меня. До него тоже, оказывается, дошел слух, что я езжу по Чечне без головного убора. Попросил меня его сопроводить... Узнав, что меня отправляют в отпуск, Виталий Иванович обрадовался. Им нужен был человек, который мог бы вести диалог с чеченской стороной; такой, которому там доверяют. Я согласился после того, как он обещал через Тихомирова снять проблему, связанную с моим отпуском. Так я оказался в группе розыска...

Последней каплей оказалось для командования, когда я дал интервью Андрею Бабицкому на "Свободе". Квашнину доложили, и он потребовал убраться меня немедленно. Приезжают за мной, сажают в машину, вручают отпускной билет и говорят: "Чтобы завтра тебя здесь не было!" А у меня договор с Мовлади Раисовым, начальником лагеря. У него было двое военнопленных: москвич Борис Сорокин и дальневосточник Виктор Андриенко. И тут, когда я уже договорился, что их мне отдадут, меня отправляют насильно в отпуск, да еще говорят, чтобы не возвращался. А матери и отцы уже ждут своих сыновей. Я скорей в госпиталь. Попросил положить меня с гипертонией, с чем угодно. Ребята мне помогли. Ночь я провел на больничной койке, а утром сбежал. Мне надо было выйти на Яндарбиева. Он жил в Старых Атагах. Мовлади долго водил меня за нос, а потом говорит, что без разрешения Яндарбиева отдать не может. Выходит, я две недели я обманываю всех. Меня ищут в госпитале, ищут в части... А я езжу по Чечне, меня с любой стороны могут убить Я был не за тех, не за этих, а за людей, попавших в беду. Мне помогали те, чьих родственников я спасал, или кому оказал услугу. Был такой случай. Одногочеченца ранило, Данилбека. Во время военных действий. Он жил где-то в этих домах возле ГАИ. Кто его зацепил, трудно было понять. Сестра кричала: "Убили моего брата!" А он был тяжело ранен. Вывез я его с сестрой в госпиталь. Сделали ему операцию, но нужно было срочно везти в Моздок. А так как он чеченец, требовалось разрешение ФСБ. Хотя это просто мирный житель. В бригаде был один фсбэшник, дай ему Бог здоровья! Наряду с идиотами, встречались и нормальные люди. Вертолет должен уже взлетать, а я не могу его нигде найти. Попросил их подождать немного. Уже на ходу пришлось объяснить, что без его разрешения тяжело больного парня не берут на борт. Он тут же побежал со мной, дал команду, и его вместе с сестрой забрали. Парень выжил. Каждый раз, когда я бывал у его дома, мне передавали от него привет, а сам он на хлеб зарабатывал. Вот такие люди были. Или такой случай: убили Абдуллу Мусаева из Старой Сунжи. Ему было 48 лет. Все дети маленькие, младшему 5 лет. Он пас коров и возвращался домой мимо Ханкалы. Его задержали военные

из 56 десантной бригады. Затем в тот же день взяли еще двоих. Избили всех, бросили в яму. На второй день выяснилось, что это не боевики, тех двоих отпустили, а Мусаев, астматик, умер от побоев. Они его закопали. Ко мне обратилась его жена. Третьи сутки его не было дома. Я попросил ее прийти с каким-нибудь мужчиной. Она пришла с братом мужа. Они показали на карте, где он пропал. Так я узнал, что это зона ответственности 56 бригады. Приехал в бригаду, а они от всего отпираются. Там солдатик один был, чувствую, что-то хочет сказать. Я обещал, что ему ничего не будет: если чеченца этого убили, пусть покажет, где его закопали. Он показал. Мы отдали труп родственникам.

И вот, когда меня Мовлади обманывал, другие ребята сказали из-под земли, если надо, достанем Яндарбиева. Ночью выехали в Старые Атаги. Нашли водителя, затем порученца Яндарбиева, который обещал, что через два часа, как вернется, сможет передать Зелимхану мою просьбу. Я написал подробную записку. И получил на своей записке подпись Яндарбиева, обязывающую Казбека Махашева решить вопрос положительно...

У меня был список находящихся в российских тюрьмах, чеченцев. Когда стали сверять, среди них не оказалось ни одного боевика. А в списке исчезнувших, большинство из которых пропало с декабря 1994-го по март 1995 года, было полторы тысячи человек. Сколько я искал этих людей!.. Их всех уничтожили... Боевиков среди них были единицы... Мне приходилось находить людей, которых просто убивали и закапывали. В школе №34 было сброшено в канализационный люк человек десять. Среди них мы нашли хирурга из Урус-Мартана, очень хороший был специалист. Его убили и сбросили в этот колодец вместе с братом. Поименно знаю я этих людей...

Кого родственники сразу не находили, тех уничтожали и заметали следы. Как правило, то что делала одна спецслужба, не знала другая. Что-то делалось по приказу... Кто что хотел, то и творил... Когда их уличали, что есть свидетели, они говорили, что отпустили человека...

Внутренние расследования? Кому было их проводить?.. Допустим, на Ханкале держат людей, подозревая, что они боевики. Как было в январе-феврале 1996-го. Тогда шли переговоры с Масхадовым. Генерал Тихомиров – командующий объединенной группировкой, ему должны были подчиняться все. 14 декабря 1995 года был захвачен целый блокпост тридцать один человек. Среди них было два офицера из 245 полка. Первый раз на переговоры поехал и Виталий Иванович и группа матерей, так как их должны были обменять. Договорились, что на четверых задержанных в Ханкале обменяют всех. С той стороны ответственным был Таус Багарав. Чеченцы привезли всех, 31 человека, в Шатой, а Виталий Иванович из четверых обещанных привез одного. Вечером все задержанные были на месте, он их сам подготовил, а у-

ром ему отдают только одного. "Где остальные?" - возмутился он. – "А мы их отпустили!" – "Как?.. Куда?.." Понятно, что они их расстреляли. Один из них был отцом четверых детей. Единственный уцелевший чеченец был так избит, что после обмена прямо на глазах у всех умер. А чеченцы обменяли на него четверых пленных. Шум был большой...

К концу августа в Ханкале было два боевика. Я уговорил Славу Филипенко сделать все возможное, чтобы они уцелели. Их потом обменяли и с ними еще троих журналистов, которых захватили в Дагестане, зная, что они журналисты, а не боевики.

– После всего, что вы видели в Чечне, вы можете сказать, что Чечня должна оставаться в составе России, что Россия – родина чеченцев?

– Если бы я не видел отношения к своим, русским солдатам и офицерам... Были случаи, когда освобожденного из плена русского солдата забивали до смерти. И никто за это не ответил. Свидетелем этому был не я один. Когда я попал в 205 бригаду (в первый же день!), командир Назаров построил все батальоны, находившиеся в аэропорту "Северный", и послал за солдатом с гауптвахты, который провел несколько месяцев в чеченском плену. Он пошел за сигаретами и попался... Его проводили сквозь строй, и каких только слов о нем не говорили! Чеченцы отдали его с условием, что он не останется в Чечне. Зная это, его не только не отослали, но поставили в такие условия, что любой мог в него плевать, издеваться над ним. Написав расписку командиру танкового батальона, что ручаюсь за него лично, что он вернется, я упрямил его отпустить парня в отпуск. А солдата этого предупредил, чтобы не возвращался.

Те люди, что ехали в Чечню, чеченцев в глаза не видели. Как им сказали, что это бандиты, убийцы, так они к ним и относились. Девяносто процентов военных из тех, кто находился в Чечне, боевика видели только по телевизору. За год-полтора! В основном – разведбаты, ГРУшники, десантники, они принимали участие в локальных боях. И сейчас, когда приезжают офицеры оттуда, я спрашиваю: видели они боевиков? Знают ли, с кем воюют? Они там несут охрану своих мест постоянных дислокаций. Особенно подогреваются античеченские настроения в эту кампанию. Создается ситуация всеобщего обмана. Обмануты чеченцы, но обмануты и солдаты, и офицеры, которые там находятся. В начале войны пропал певец грозненской филармонии. У него было три брата. Один из них афганец. Когда его родные уходили из Грозного, он не уехал, считая, что его не тронут, раз их связывает боевое братство. Через два-три месяца, когда семья вернулась, его нашли мертвым. Для них солдаты не были "своими"...

Особенно часто люди – и свои, и чеченцы – гибли там, где прошел Шаманов. Вот и Буданов находился у него в подчинении: здесь чувствуется своего рода закономерность.

г. Грозный

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ

Тамара АХТАЕВА

— Светлана Рафаэлевна, население Чечни сегодня переживает тяжелое время. В таких условиях всего тяжелее женщинам-матерям. Как бы вы охарактеризовали ситуацию в единственном роддоме, уцелевшем в Грозном?

— Ситуация не из лучших... Мы находимся, можно сказать, в свернутом состоянии, в силу того, что по проекту должно быть 220 коек, по приказу Минздрава развернуто 110, а фактически мы имеем всего 100. Раньше в городе было три роддома и одно родильное отделение. Сегодня же один роддом и одно родильное отделение при 4-ой городской больнице. Естественно, для города это мало. Население с каждым годом прибавляется. Если в 2000 году количество родов достигало 585, то в 2001 году — 1500, а в 2002 году — уже 2000 родов. Сегодня мы и эту цифру преодолели — 2500 родов. Мы единственный роддом, где есть отделение патологии беременности. К сожалению, и здесь вместо 70 коек у нас только 30.

По санитарным нормам мы должны два раза в год закрываться на профилактический ремонт. Однако нам некому передать наше отделение патологии. Пришлось белить, красить, мыть... в условиях непрерывающегося приема беременных и рожениц. Конечно, было трудно, но персонал с поставленной задачей справился.

Дети — наше будущее!.. Простая и старая истина в условиях современной Чечни стала звучать по меньшей мере, странно...

Рождение ребенка — главное, что может произойти в жизни любой женщины. Мать — творец, воплощающий в жизнь Божественный план!

Как важно, чтобы ребенок появился на свет здоровым и в благополучных условиях! Ведь будущее нации зависит прежде всего от здоровой наследственности.

До войны в Грозном было три ведущих роддома, при каждом функционировали по две женские консультации. Сегодня их нет. Остался только роддом № 1, который стойко держался, принимая малюток под канонаду тяжелых орудий, взрывы бомб, снарядов и в первую, и во вторую войну. Здание не раз подвергалось бомбежке...

Моя собеседница — удивительный человек, врач высшей категории, она трудится в республике с 1975 года. Здесь нашла свое женское счастье, выйдя замуж за Кубаева Али Магомедовича. За плечами десять лет работы главным врачом в роддоме № 2, затем заведующей родильным отделением горбольницы № 4, а с марта 2000 года она — главный врач роддома № 1.

Светлана Рафаэлевна Кубаева. Думаю, что ей есть куда уехать из Чечни... И не сомневаюсь, что держит ее в республике не только клятва Гиппократа...

Светлана Кубаева

— Мне удалось побеседовать с роженицами, и почти все жалуются на проблему с водой.

— Это проблема не только роддома, но и всего города. На сегодняшний день у нас готово к приему отделение анестезиологии и реанимации. Но министерство здравоохранения прием этого здания не производит,

так как туда не подведена вода. Водоканал и "Грозтрубострой" не решили между собой, кто будет этим заниматься. Все упирается в финансирование. Дело еще в том, что водоканал не имеет схемы расположения трубопровода этого роддома. Единственный человек — хозяйственник, который знал все направления труб, погиб

во время войны.

Вот уже три года, как мы сотрудничаем с организацией "Врачи без границ", которая нам очень помогает. Они готовы оплатить все затраты, связанные с подведением воды. Если эта проблема разрешится благодаря финансовой помощи французов, то отделение анестезиологии и реанимации на десять коек перейдет в отремонтированный корпус, а на их месте разместится отделение патологии беременности. Сейчас же из-за ограничения мест мы вынуждены отказывать женщинам в помощи. А что такое отказ беременной женщине? Если мы сегодня откажем с анемией, завтра она придет с отеками, послезавтра с внутриутробной гипоксией плода и т.д.

Понимаете, какая ситуация? Известно, что большинство женщин из социально необеспеченных семей. Основной заработок в сегодняшней Чечне – базар, но ведь не всем дано торговать. Помимо того, что она мать, она сегодня и кормилица. На нее падает львиная доля забот и получается, что, когда она забеременела, то за всеми этими заботами она не успевает пойти к врачу, позаботиться о своем здоровье, и та патология, которая в ранних сроках могла быть купирована, процветает. В результате мы имеем высокий процент преждевременных родов, а малыша зачастую теряем, так как его легкие еще не готовы к самостоятельному дыханию. Это тяжелая потеря.

– Если ребенок родился прежде-

временно, есть ли в вашем роддоме условия, чтобы поддержать жизнь недоношенного младенца?

– Если отвечать однозначно, то нет. Есть комбайн, куда мы помещаем такого малыша, но проблема в том, что этого ребенка нужно было наблюдать до родов.

С ребенком, который пострадал во время родов, справиться легче, чем с ребенком, который длительно страдал,

и тут у нас, к сожалению, потери...

– Можете ли вы назвать потери в цифрах?

– Да, конечно. Назову не за полугодие, а за первый квартал. У нас родилось всего 766 младенцев, а умерло семь малышей. Шесть из них были недоношенными.

Заболевшие дети: недоношенные – 75; врожденные пороки – 14; родовые травмы – 11.

С внутриутробной гипоксией – 233 женщины; с анемией поступило – 578, из них с тяжелой анемией – 9 женщин; общая летальность – 0,9%.

– Какие аномалии развития встречаются и каков их процент?

– К сожалению, имеем достаточно высокий процент аномалии развития малыша, точную цифру назвать тяжело. На первое место выходит спинномозговая грыжа (недоразвитость спинального канала позвоночника). Затем – анэнцефалия – недоразвитость головного мозга или его отсутствие. Бывают дефекты скелета...

– Какова дальнейшая судьба таких малышей?

– Они погибают. Война внесла свои коррективы... Понимаете?.. Но мне бы хотелось предостеречь и таких женщин, малыши которых могут стать жертвами недостаточной санитарной культуры мамы. Допустим, женщина имела выкидыш или мертворождение, зачастую у нас к этому просто относятся: "Бог дал, Бог взял". На самом деле причина, возможно, во внутренней инфекции. И если жен-

Грозненский роддом №1

щина после выкидыша или мертворождения не пройдет тщательного обследования, то она может беременеть, но не будет рожать до тех пор, пока не ликвидирует инфекцию.

– Можно ли пройти обследование в нашей республике?

– Нет. Наша лаборатория еще не восстановлена. Сегодня анализ можно сделать в близлежащих Махачкале или Владикавказе. За 250 рублей сразу делается четыре анализа и назначается лечение.

– Какие патологии наиболее часто встречаются в нашей республике?

– Самая частая патология, как я уже говорила, это гипоксия плода – недостаточное внутриутробное поступление кислорода. Кроме того, патология связана с тем, что у мамы гестоз – токсикозы во второй половине беременности. Это патология, преобладающая во всей России. Часто беременность женщины начинается на фоне какого-то заболевания. Не посещая женскую консультацию, не обращаясь к врачу, она чувствует недомогание плюс неудовлетворительное питание, в результате чего гемоглобин падает, а малыш для своего развития заберет у мамы все, что ему необходимо. Соответственно, на роды она приходит в тяжелом состоянии. У нас за это полугодие прошло восемь женщин с гемоглобином – 30. Это катастрофическая цифра! Слава Богу, нам удалось их спасти.

– Светлана Рафаэлевна, простые арифметические выкладки наводят на мысль, что некоторых

женщин вам либо приходится преждевременно выписывать, либо отказывать в приеме?

– Мы отказываем только тем, которые еще не в родах. Что касается родового процесса, здесь никаких ограничений нет. Коридоры у нас заняты кушетками, потому что роженицам отказывать нельзя. Это процесс, который не остановишь. Что касается вопроса ранней выписки, то речь идет о нормальных родах и нормальном малыше и только с согласия детского отделения.

– Известно, что в вашем роддоме участились случаи оператив-

ного вмешательства, если честно, не раз доводилось слышать и жалобы относительно кесарева сечения...

– Обусловлено это тем, что из-за отсутствия женской консультации женщины не обследуются, а запоздалая диагностика патологии беременности, неоказание своевременной помощи и приводит к хирургическому вмешательству.

К сожалению, женщина поступает к нам, когда и ей, и малышу угрожает опасность, и мы бываем вынуждены прервать эту беременность в интересах женщины.

По статистическим данным наших отчетов процент оперативного вмешательства составляет 12%. Да, это достаточно высокий процент для Чечни.

– Как это отражается на здоровье женщины, и сможет ли она впоследствии иметь еще детей? Чеченские семьи ведь, как правило, многодетные!

– Безусловно, женщина с рубцом на матке в семье воспринимается, не как здоровая, и для нас она "угрожаемая": не дай Бог, если не будет наблюдаться – это угроза ее жизни. Необходимо строго придерживаться всех ограничений. И женщину, и родственников мы обо всем предупреждаем. Но не надо пугаться, при правильном следовании предписаниям врачей и наблюдении в женской консультации мы гарантируем пятерых детей.

– Как решить вопрос с регулярностью наблюдения, если в городе нет женской консультации?

Грозненский роддом №1

— К сожалению, сегодня первое звено женской консультации работает слабо. Остро стоит вопрос о том, чтобы при нашем роддоме открыть консультацию, где будут работать опытные врачи, практиковавшие в роддомах. У нас ведь своя специфика работы с малышом и мамой. Очень тесно с нами сотрудничают и детские врачи. Однако все упирается в проблему помещения. Республика разрушена, восстановление идет очень медленно. Успокаивает то, что городской отдел здравоохранения, в лице Жабраила Адаева, понимает эту проблему со всей важностью и занимается поиском ее разрешения.

— Светлана Рафаэлевна, нет ли у вас нехватки специалистов, медикаментов? В чем вы остро нуждаетесь?

— Проблем у нас очень много и с оснащением, и с медикаментами, но если смотреть в динамике, по сравнению с 2000 годом этот вопрос решается лучше. Нас выручает то, что мы работаем с ФОМСом (Федеральным объединением медицинского страхования). Мы зарабатываем деньги и покупаем медикаменты, питание. У нас женщин кормят три раза в день, а это сегодня немаловажно, это подспорье для родственников из отдаленных районов.

Также в рамках программы помощи организации "Врачи без границ" мы ежемесячно получаем лекарства, что позволяет нам существовать лучше других лечебных учреждений. Но бывает и так, что не хватает дорогостоящих препаратов, и мы вынужде-

Сотрудники грозненского роддома №1

ны просить помощи у родственников.

Что касается специалистов, то наш роддом переполнен. Я здесь новый человек, но должна сказать, к чести роддома, прежний коллектив сумели сохранить. Все врачи опытные: Барахоева, Малаева, Есенгериева, Нунаева, Эльдарова, Эдельбиева и другие.

Наша работа осложняется и тем, что нам не хватает оборудования, не хватает кроватей, шкафов, мягкого инвентаря... Мы не имеем в городе своей прачечной, как раньше, специально для стирки белья роддомов.

И женщины вынуждены поступать к нам со своим бельем. Проблем у нас много, всего не перечислишь.

— Если бы нашелся человек, который смог вам помочь, о чем бы вы его попросили в первую очередь?

— Прежде всего я поклонилась бы ему в ноги. Зачастую мы стучимся, а нам не открывают, мы говорим, но нас не слышат. Первое, что я попросила бы, это отремонтировать здание роддома. Роддом должен быть типовым, соответствовать последнему слову. Условия, при которых нам приходится работать сегодня, сравнимы с "каменным веком". Наши врачи грамотны и опыты. Я уверена, что не все московские специалисты смогли бы работать в наших условиях: у них современное оборудование, у нас — голова и руки.

Нам нужно очень много, начиная с элементарной ручки и заканчивая операционным наркозным аппаратом.

Средства массовой информации нередко пишут и говорят о том, что в Чечне активно идет процесс восстановления... И действительно, неоднократно восстановлен Дом правительства, отстроенно с размахом здание мэрии, отдельные здания районных администраций вызывают тихую зависть...

Может, пора подумать и о главных объектах в республике, тех, где в условиях тотального уничтожения жизни рождалось и рождается обыкновенное чудо...

Главврач с ассистентами производят кесарево сечение

Фотографии автора

«ЭТА ВОЙНА РЯДОМ...»

"В мире много войн. Но у меня такое чувство, что война в Чечне отличается от всех них.

В руинах Грозного я увидела что-то родное. Я не могу это объяснить. Меня даже впервые всерьез заинтересовал Кавказ. У меня есть желание поехать в Чечню и увидеть своими глазами Грозный. Мне очень горько сознавать, что я ничего не могу изменить, но в груди почему-то почему-то все равно сидит чувство вины. Как с этим жить? Надо ли с этим бороться? Мне очень хотелось бы взглянуть на довоенный Грозный. Я чувствую, что это должен был быть чудесный город. Через эти разрушения, руины я прошла не по его трагедии, а сквозь эту трагедию и боль древнего города, жившего своей, как мне кажется, красивой жизнью..."

Слева на фото: Зейнеп Гашаева, справа: Цора Бервегер

Цора Бервегер. Родилась и выросла в очень благополучном городе Берне, известном каждому советскому человеку в основном по фильму "Семнадцать мгновений весны". Кто бы мог подумать, что в столь политически нейтральной Швейцарии могла вырасти девушка абсолютно не равнодушная не просто к чужой боли, а к видам мертвого города? Она закончила театральный колледж. На Художественном отделении шел государственный экзамен. Все студенты, ее однокурсники, добросовестно отнеслись к заданной теме и представили на суд своих преподавателей работы по современной архитектуре. Только она, Цора Бервегер, представила "современную архитектуру" такой, какой она вошла в нашу плоть и кровь, продолжая оставаться "незамеченной", "непонятой"...

Случайно в газете она увидела фото разрушенного Грозного. Ужас охватил ее при виде этих руин: даже мертвым город поражал своей былой красотой, своей неповторимой уникальной архитектурой!

Цора поняла, какую работу она представит на экзамене... Да и какая разница, поймут ли ее выбор те, кто ЭТОМУ ее не учил?..

"Я хотела передать своей работой, что война рядом, что ЭТО в любой момент может произойти с моим родным Берном", – говорит девушка.

Картину она подарила ... будущему музею Чечни. Экзаменационная комиссия признала ее работу. Лучшую работу по современной архитектуре...

* Картина для музея передана через З. Гашаеву, сопредседателя правозащитного Комитета.

КУЛЬТУРА

«УСЛЫШАТЬ АПЛОДИСМЕНТЫ МОЕГО НАРОДА»

Многие читатели спрашивают, почему в последнее время не слышен золотой голос вайнахского народа – голос Тамары Дадашевой.

Наш корреспондент встретился с народной артисткой Чечено-Ингушской АССР и попросил ее рассказать о последнем периоде своей жизни и поделиться с читателями журнала своими творческими планами.

– В моей жизни произошла большая трагедия: год назад я потеряла самого близкого человека – моего мужа. Это выбило меня из жизненной и творческой колеи. Я жила с ощущением, будто стою на краю пропасти. И только благодаря присутствию сына, трогательной заботе родных и друзей я стала приходить в себя, понимать, что через это испытание надо пройти, надо выдержать. Но трагический час уходит дальше, а боль невозполнимой утраты не утихает, наоборот, саднит сильнее. Мне с трудом удается обрести силы, чтобы встать на ноги, вновь вернуться к музыке, песням, сцене. Думаю, слушатели отнесутся с пониманием к моей личной трагедии, случившейся на фоне трагедии общенациональной. Мы должны жить, должны выжить как нация. И потому должны петь, несмотря ни на что. Я планирую в конце года выступить с сольной про-

граммой, в которой прозвучат как известные, так и новые песни. А вообще моя самая большая мечта – выступить с концертом в мирном Грозном. Прямо на площади. Услышать аплодисменты моего народа. Я верю в исполнение этой мечты.

Полностью материал о Тамаре Дадашевой читайте в одном из ближайших номеров.

Тамара ДАДАШЕВА

И ПРИДЕТ ДАДЖАЛ НА ЗЕМЛЮ ЧЕЧЕНСКУЮ

Мария КАТЫШЕВА

Сугаип-мулла, окруженный своими приверженцами, стоял на гребне Терского хребта и пристально вглядывался вдаль – там простиралась равнина, в центре которой, следуя прихотливым извивам реки, раскинулся город, выросший из боевой крепости. Шейх долго молчал, и вдруг слезы потекли по его лицу. Мужчины же не плачут, не показывают свою слабость, тем более такие стальные, каким слыл он. Удивленные мюриды спросили: "Что случилось, Устаз?" – "Мне жаль людей, которые будут жить в этом городе, – ответил шейх. – Он будет разрушен до основания, и потоки крови повлекут за собой камни величиной с кулак..." – "Ты это видишь?" – спросили его. – "Да, я это вижу так же хорошо, как знаю, что на этом месте было разрушено несколько сел для того, чтобы построить город..."

Этот сюжет рассказал мне в 1978 году чеченский писатель, когда мы возвращались в Грозный из поездки по толстовским местам в Шелковском районе и остановились на Терском хребте, чтобы полюбоваться открывшейся панорамой. Вид действительно был замечательный. До самого горизонта простиралась, теряясь в туманной дымке, Чеченская равнина, похожая из-за окружавших ее гор на дно огромной чаши. Сейчас гор не было видно, но в ясную погоду их величественные громады, сплетенные в серебряную цепь, словно парят над горизонтом. Подумать только, более чем 125 лет назад на этом месте стоял молодой яснополянский граф, будущий великий писатель, чей 150-летний юбилей отмечала в тот год вся культурная мировая общность; отсюда, с Терского хребта, он впервые в жизни увидел горы и, сраженный их мистической красотой, только и смог выдохнуть: "А горы!.."

В его время пейзаж, очевидно, был другим, развитие индустрии еще не исказило его.

А сейчас разноцветные квадраты возделанных полей пересекались лесными полосами и лентами асфальтовых дорог. Разбросанные то тут, то там селения оживляли картину, а вдали, в самом центре равнины, размытый густым маревом жаркого дня, угадывался силуэт большого промышленного города.

Грозный... Запоминающееся, тревожащее душу имя...

Удивительный город... Самый крупный на Северном Кавказе промышленный центр, пропитанный горячим запахом металла и нефти, прокаленный огнем факелов на газовых скважинах,

Нефтяной институт Грозного

он трепетно оберегал свежую красоту своих парков и аллей, своих фонтанов и чудесных, необыкновенно крупных роз. Здесь прямо на улицах росли вишневые и абрикосовые деревья. Погожими апрельскими днями они наряжали город, словно невесту, в пышные кружевные гирлянды белых и розовых цветов.

Здесь просто и естественно решался национальный вопрос – как в большой дружной семье, когда общий уклад жизни подавляет над индивидуальность, никто друг другу не мешает, но в то же время все вместе. В радости и в горе.

Город состоял из нескольких самодостаточных фрагментов, которые здесь называли куянами. Была "Бароновка", где в основном жили армяне вперемишку с азербайджанцами и греками. Московскую улицу никто так не называл – говорили "Еврейская слободка". Поселок возле аэропорта именовался "Сахалином", там преобладающим населением были старообрядцы. Самый центр города называли ни больше, ни меньше как "Бродвеем". И это на пике советской власти! О прогулке по центру даже интеллигентнейшие люди говорили: "Прошвырнемся по Броду"... Здесь гуляли до утра. Общались. Девушкам тогда еще дарили розы. И сколько же скверов было вдоль "Бродвея" – проспекта Победы! Сквер Полежаева... Сквер Лермонтова... Пионерский сквер, примыкающий к дому, построенному на

Сквер им. Лермонтова

Библиотека им. Чехова

месте казачьей хаты, в которой, как свидетельствовала мемориальная доска, останавливался, приезжая в крепость Грозную, Лев Толстой. А дальше был скверик Чехова с республиканской библиотекой, носящей его имя... А еще дальше за мостом – Чечено-Ингушский государственный университет имени Толстого с монументальным памятником великому писателю, которого грозненский скульптор Александр Сафонов изобразил молодым человеком – таким, каким тот был в свой "чеченский" период. Да, город любил русских писателей, почтивших его своим вниманием, отметивших творчеством. Любил деятелей русской, советской и зарубежной культуры, чьи биографии соприкоснулись с этой землей. Какие имена! Полежаев, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Дюма, Горький, Серафимович, Булгаков, Айвазовский, Врубель. Грозный оставил отметину в судьбе и творчестве Александра Галича, Владимира Яхонтова, Сергея Бондарчука...

Течет время, уходит песком сквозь пальцы. А притеречные высоты, как и сто, и двести лет назад амфитеатром поднимаются над ареной, где совершается вечное действие жизни. Меняются действующие лица – декорации остаются прежними. В конце 70-х годов XX века мы с высоты Терского хребта загляделись на ту самую панораму, которой любовался 125 лет назад великий русский писатель Лев Толстой; ту самую, что 70 лет назад вызвала трагические видения у прославленного чеченского шейха Сугаипа-муллы

Гайсумова...

Связь имен, связь времен... Философия непротивления злу насилием, которую исповедовал и проповедовал духовный учитель приверженцев кадырийского тариката Кунта-Хаджи Кишиев, идейный противник имама Шамиля, по цепи обошла земной шар – через творчество Толстого, проповеди Махатмы Ганди, политическую борьбу Мартина Лютера Кинга...

Но о какой же силе, способной разрушить город, говорил Сугаип-мулла Гайсумов, который жил на рубеже XIX и XX веков? Может быть, он имел в виду гражданскую и Великую Отечественную войны, случившиеся уже после его ухода? Нет, они пронесли ураганом над этой землей, но большого урона городу не нанесли. Кто может дотянуться до него? Или что? Землетрясение? Его здесь всегда боялись и после каждого подземного толчка опасались нового, разрушительного.

Я обратилась за разъяснениями к чеченцам. Беседовала со специалистами по фольклору, этнографии, со знатоками истории. Мне сказали: он предрекал войну. Войну, как и в XIX веке – с русскими... В это невозможно было поверить: мы жили в одной стране, подчинялись одним законам, имели общую судьбу. Но чеченцы говорили об этом как о неизбежном – с апокалиптическим ощущением, хотя в целом эти люди, живущие скорее во времени, а не в пространстве, спокойно относящиеся к судьбе, не теряли жизнерадостности. Оказалось, что эсхатологические

Проспект Ленина

прогнозы довольно широко распространены в чеченской среде, их авторство приписывают духовным учителям еще дореволюционного времени – Кунта-Хаджи Кишиеву, Дени Арсанову, Сугаипу-мулле Гайсумову, Бамат-Гири Митаеву.

"И придет Даджал на землю чеченскую. И прольет он кровь своих братьев-чеченцев. И разрушится город до основания. И исчезнут села с лица земли. И войдут разруха и нищета в дом каждого чеченца. Так будет семь долгих лет, и покажутся они чеченцам вечностью".

...В 1995 году я снова пройду по нашему "Бродвею" – проспекту Победы – из конца в конец, от сквера Полежаева до сквера Лермонтова, в три часа дня и не встречу ни одной живой души. Пустой, страшный ирреальный мир. Мир обугленных руин, плачущих человеческой кровью. Мир черных, изломанных, словно людские кости, деревьев. И нежная зеленая листва, распускающаяся на изуродованных сокрушенных стволах. Вопреки смерти и войне.

Это было самое потрясающее, выворачивающее душу впечатление: слабые ростки утвержда-ли жизнь тогда, когда не выдерживал ни камень, ни металл, а люди метались, как запуганные, потерявшие ориентацию животные... Наверное, о таком писал Пабло Неруда:

Дерево, дерево снова приходит,
Дерево предков, дерево бури,
Вот из земли подымает героев,
Словно зеленые сочные листья...

"Обуглись, но выстой!" – явилась в памяти старинная чеченская поговорка. Обуглись, но выстой, мой любимый город... Но он не слышал меня. Смертельно раненый, он агонизировал у меня на глазах, я была бессильна помочь ему...

Он был один на всех нас – грозненцев, детей разных народов, собранных в нем волею своих судеб. Да, мы любили его. Но меру ЕГО великой любви к нам мы осознали только тогда, когда его у нас отняли и варварски убили. Он, как и чеченские пророки, знал свою грядущую трагедию и потому задолго до нее учил нас мужественно хранить достоинство и оптимизм в самых трудных ситуациях. Не жаловаться! Предпочитать тюремный принцип "не верь, не бойся, не проси" унижительному "подайте, мы сами не местные". Не случайно газетчики отмечали, что среди попрошайек в московском метро нет беженцев из Чечни. Он выковал то, что сейчас называется "непобедимым грозненским духом".

"...Погибнет очень много мужчин в цвете лет, и женщины, показывая на уцелевших, будут говорить: "Вот так выглядели мужчины..."

"...Город-на-Сунже (чеченское название Грозного) будет разрушен, и проходящие по этому месту скажут: "Когда-то здесь был большой красивый город, где жило очень много людей..."

"...Находящиеся за Тереком погибать не будут. И надо перебираться туда, даже перекатываясь через хребет..."

"Русские войска, подобно потоку, половодьем разольются по горам, но в конце концов сами,

как река, хлынут на равнину и уйдут за Идал-хи (Волго-Дон), сопровождаемые метелью, которая будет подталкивать их в спину".

В 1992 году именно так, подталкиваемые в спину необычайно сильной для грозненских зим метелью, уходили из Чечни солдаты бывшей советской армии – с одними только заплечными мешками, оставив генералу-президенту Дудаеву все вооружение и боевую технику.

"Победа придет тогда, когда в нее уже все перестанут верить, война закончится в период жаты". Похоже на события августа 1996 года с подписанием Хасав-Юртовских соглашений...

... И придет Даджал на землю чеченскую...

Древнее языческое божество, пожирающее людей – Ваал... Не он ли явился в образе соплеменника, прельстившего чеченцев сладостной мечтой о свободе, но приведшего к пропасти войны?.. Или группы соплеменников, пришедших к власти в Чечне в 1991 году и установивших господство тьмы – тех, чьи имена, известные сегодня всему миру, звучат тяжело, как удары камней, падающих на Холм Проклятия?

"В течение пяти лет чеченцы не будут знать, как им принять свободу, которая наконец-то возвратится к ним в страну...

...Все будет гореть, а города уйдут под землю. Станет тесно так, как будто две ноги оказались в одном ботинке... И когда придет отчаяние, то появится английская государственность, и окажется народ под ее защитой. К власти придет третий царь чеченцев, который будет един с народом... И воцарятся в стране мир, свобода и благоденствие. Одно лишь станет трудно – явить милосердие, ибо, миновав три селения, странник не сможет встретить обездоленного... И все будут вспоминать погибших".

Известный политолог Абдурахман Авторханов в своей книге "Нароудобийство в СССР", изданной в 1952 году в Мюнхене, приводит на этот счет такой пример: "У чеченцев сказания о том, что англичане придут для освобождения Кавказа, столь распространены и укоренились десятилетиями в сознании народа, что его вам расскажет любой чеченец со ссылкой на ряд своих выдающихся духовных авторитетов еще царского времени. Последний раз я слышал обоснование этого сказания из уст чеченцев при горячих спорах между ними в 1942 году, летом. "Даем головы на отсечение, если придет "герман", – придет только "энглис", и не с запада, а с востока!" – так доказывало большинство. А в эти дни "герман" стоял в 500 метрах от Чечни – на западном берегу Терека!"

И сегодня многие чеченцы не утратили убежденности в том, что приход "энглис пачхьалкх" – английской (англоподобной) власти неизбежен, хотя никто точно не знает, что под этим имеется ввиду. Очевидно, такие прогнозы небезосновательны: Англия и Бельгия всегда имели в Чечне свои интересы. Здесь уместно вспомнить сюжет из советской пропаганды, выдававшей за исторический факт продажу в смутное революционное время чеченским нефтепромышленником Тапой Чермоевым акций своих нефтепромыслов английской компании "Бритиш

Петролеум".

Точного времени прихода "английской власти" никто не называет – оно неизвестно. Но известен связанный с этим убеждением комичный случай, произошедший в Грозном в 1996 году, после окончания так называемой первой войны.

В парламенте Ичкерии состоялась встреча депутатов с группой англичан, приехавших с неофициальным визитом. Гости сочувственно слушали рассказы о том, что случилось с Чечней, о том, что, как говорится в одном из преданий, русские все равно отойдут за Волго-Дон. И все время кивали: "Йес, йес..." Но когда чеченцы сказали, что они попадут под покровительство Англии, джентльмены вскочили и в ужасе закричали: "Но-о-о-у!" По поводу этого диалога над разрушенным Грозным несколько дней стоял поистине гомерический хохот. Люди пересказывали друг другу эту историю и комментировали: ну, мы-то знаем, что мы за золото.

Эсхатологические прогнозы чеченских шейхов затрагивают неведомые времена и связаны с появлением "ложного Исы" (Антихриста), а затем и вторым пришествием Спасителя. Но на пути к этим временам им предстоит пережить и пору благоденствия, и еще очень трудный период некой власти "апган эдал", когда чеченцев ждет "настолько тяжелая жизнь, что будто бы за пазухой кусок раскаленного металла". Но чеченцы, как всегда, пойдут за своей судьбой.

Трудно сегодня сказать, на каком основании строили свои прогнозы чеченские шейхи – провидцы нынешних событий. Горцы говорят, что некоторые обладают "Книгой звезд". Ее не каждому дано прочитать и понять, она и вообще-то не всякому доступна. Конечно, ко всему этому можно отнестись скептически. Но чем тогда можно объяснить, что Кунта-Хаджи Кишиев "увидел" из своего XIX века тринадцатилетнюю депортацию своего народа, которая произошла в 1944 году? Или шейх Дени Арсанов... В 1918 году, когда еще шла борьба за установление советской власти, люди спросили его, как долго продержатся большевики. Он ответил так: хоть безбожная эта власть, но в ней будут и благоденствия – забота о бедных, нищих, больных; эта власть будет стоять долго, и даже после того, как умрет, простоят еще три года, так как некому будет это провозгласить; но перевернется она ночью, за столом, без единого выстрела.

Можно сколь угодно скептически относиться к эсхатологическим прогнозам, посмеиваться над всякими там нострадамусами, но куда деться от такого, например, факта? Газета "Оракул", май 1995 года, интервью с известным астрологом Павлом Глоба. И сбывшиеся с поразительной точностью слова: "Разгорающиеся события не закончатся 1995 годом, они еще будут продолжаться, хотя в далеком будущем на время все затихнет. Пойдет новый процесс накопления оружия... Но... лето и осень 1999 года – время непредсказуемого поворота событий: возможно начало новой войны..."

Читал "Книгу звезд"? Был посвящен в работу некой "звездной" лаборатории, вершащей судьбы людей и народов?

О НЕЙ ПОЗАБОТИЛСЯ БОГ...

Марьям ВАХИДОВА

Марьям Айдамирова. Великая Женщина. Женщина без возраста. Она царствовала на сцене так долго, что легендарный нестареющий Махмуд подшучивал над ней, своей знаменитой землячкой, объездившей с ним немало стран, что сам Пушкин в свое время посвящал ей стихи. И цитировал: "То, как зверь, она завоет; То заплачет, как дитя..."

И, как дитя, она всерьез обижалась на все, что намекало на груз неотвратно надвигающихся лет ...

Только ленивый не пытался подсчитать прожитые ею годы... Почтенные старцы признавались ей, что с детства были поклонниками ее таланта. Но никто даже сейчас с полной уверенностью не может сказать, в каком году родилась эта самая яркая, сильная, с неповторимым голосом, с манерами и осанкой императрицы звезда по имени Марьям.

Дожив до преклонных лет, она ушла от нас в самые счастливые минуты своей жизни, когда в ее сердце поселилось настоящее сильное чувство. Это была не страсть, настигшая зрелую, опытную женщину. К ней пришла любовь, когда меньше 70-ти лет ей уже просто не могло быть.

Человек, встретившийся ей в самое тяжелое для нее время, способен был смутить даже юное создание...

Он был благодарен ей за эти светлые чувства, настигшие его на их "вечерней заре".

А ей, заглянувшей в глаза смерти во время тяжелой операции, достаточно было, что он есть, что он рядом, что она может видеть его.

Как подросток, она вспыхивала в смущении от одного его взгляда. Она не разучилась краснеть, как девушка при первом свидании. Мать взрослых детей, она казалась хрупкой, не искушенной в любви, застенчивой девочкой, стоило ему лишь приблизиться к ней, поприветствовать ее...

Гибкий стан ее в Габли, (национальной одежде), перехваченный тонким поясом, был предметом зависти девушек, выходивших с ней на одну сцену.

Сцена. Она была рождена... Нет, не Марьям была рождена для сцены, а сцена будто была создана специально для Марьям...

Как она выходила на сцену!.. Ее голос, презиравший микрофон, несся из-за кулис и, разрывая воздух, с тесных подмостков вырывался в переполненный зал, наполняя и увлекая за собой души слушателей, уже находившиеся в его власти. И когда зрители под гипнозом этого божественного голоса становились единым целым, когда уже не

Марьям АЙДАМИРОВА

"Орлиные носы сводят меня с ума; мне кажется, что в них заключается вся сила характера и счастье жизни", – признавался Лев Толстой, любясь мужественным профилем горцев. Нет, конечно, граф Толстой восхищался не ею, но определенно такими, как она...

было всех и каждого, а был единый Слух, устремленный к ней, идущей к ним певиче, появлялась Она...

С высоко поднятой головой, всегда безупречно причесанная, стильная, элегантная, она шла за своим голосом, как королева...

В такие минуты она казалась надменной. Высокомерной... Орлиный профиль ее подчеркивал и усиливал

эту царственную статью...

Ни тяжелый аккордеон в руках, ни туфли на высоких каблучках, ни перенесенная позже тяжелая операция, – ничто не мешало ей вспорхнуть птицей и с необыкновенной легкостью пуститься в пляс под собственный аккомпанемент...

До последних дней своих она выходила на сцену. Она знала последние сцены и маленькие. Прославленные и не очень. Она объездила с концертами немало стран, но до последнего дня выходила на импровизированные сцены в каждом селе своей республики, которую она бесконечно любила и без которой не мыслила свою жизнь.

Народная певица Чечено-Ингушетии, она всегда оставалась верной своему народу. Даже тогда, когда ее народ пошел за новым лидером... Она не покинула свою Родину, в которой начались большие перемены. Перемены, в которых она не хотела принимать никакого участия. Но это был свободный выбор ее народа. Народа, судьбу которого она без колебаний разделила...

Своим присутствием на концертах она поддерживала начинающих талантливых певцов с сильными фольклорными голосами и искренне признавалась, что чувствует "ком в горле", глядя на них, молодых и красивых, напоминающих, как беспощадно время к ней, как к женщине.

Она любила жизнь...

Зная, что обречена, она не потеряла интереса к ней. От ее хрупкой фигуры исходила такая сила, а ее глаза искрились такой страстью к жизни, что все слухи о ее личной трагедии казались злой шуткой...

Танцевать с ней лезгинку было большим испытанием для мужчин, не выдерживавших заданного ею ритма. Даже на восьмом десятке лет она кружилась в танце, набирая обороты, так долго, что дух захватывало. Не у нее. У зрителей. И в тот момент, когда не было уже сил наблюдать за этим стремительным фуэте, она резко остановилась и, выпрямив гибкий стан, абсолютно спокойно, просталась, как положено, с партнером, аплодируя ему легким прикосновением рук...

Ее нельзя было застать врасплох. Никогда. Ее дом был

открыт для всех...

Она встречала своих гостей так, как встречала на сцене: с безупречной внешностью, с улыбкой, несколько смущенной, но щедрой... С любовью...

В сердцах чеченцев она осталась вечной, неувядающей, неповторимой Марьям Айдамировой, прожившей долгую, сложную и очень интересную жизнь.

Ее голос был голосом Родины для тех, кто слышал ее, находясь в изгнании. Для более позднего поколения ее голос стал голосом из юности их родителей, соединившейся с их молодостью.

Сама же Марьям приехала в Чечню, вобрав в свой голос всю ширь безбрежных казахских степей и силу казахских народных песен, которые она исполняла не реже своих, чеченских.

Беспощадная к себе, она не оглядывалась назад... Ей – избраннице Бога – достаточно было просто нести Его дар людям. Не потому ли ее голос так проникал нам в душу? Всем... Каждому...

Фото с архивной видеозаписи

Марьям АЙДАМИРОВА и Тамара ДАДАШЕВА 1991 год

МАЛЕНЬКИЙ МАСТЕР БОЛЬШИХ ПОБЕД

Исрапил ШОВХАЛОВ

Как о свойствах огромного океана можно судить по капле морской воды, так судят о нации по поведению, моральным качествам, достижениям отдельного человека.

Каждый из нас в той или иной мере олицетворяет свой народ, его характерные особенности, внешние данные, духовную самобытность. Сегодня телеэкран и газеты сделали героем чеченца с ружьем и враждебно настроенного к окружающему миру. Пропа-

ганда действие возымела: кое-кто уже иным, безоружным чеченца и не представляет. Всех скопом объявляют бандитами, террористами, мятежниками, награждают другими эпитетами из этого ряда и методично внушают нам самим и несведущему обывателю мысль о том, что чеченцы никогда ничего делать не умели, а только убивали и грабили. Но мы-то знаем, что наши далекие предки из века в век вырабатывали моральный кодекс – кьона-

халла, ибо заботились о красоте лица нации. Этот кодекс они оставили нам в наследство. Чеченцы с детства, от родителей и дедов усваивают понятия Гиллакх, собар, яхь и разъясняют смысл этих понятий своим детям. Поскольку по поведению каждого будут судить и судят обо всем народе.

Еще в не столь отдаленном прошлом о чеченцах говорили как о нации выдающихся спортсменов – чемпионов мира, Европы, Олимпийских

игр. Со страниц газет тогда не сходили имена Хасимикова, Бисултанова, Бадалова и многих других. Они, чеченцы без оружия, были героями спортивных теленовостей.

Когда в прессе "выстреливала" обойма этих фамилий, люди везде говорили: чеченцы – спортивная нация. Так же, нам говорили о "танцующей нации", когда выступал Махмуд Эсамбаев. Во мнении тех, кто слушал незабвенную нашу Эдит Пиаф – Марьям Айдамирову, мы становились поголовно поющей нацией.

Создаваемый ныне образ чеченцев как народа воинственного и агрессивного – однокоренный и искажен. Мы по-прежнему остались и поющей, и танцующей, и пишущей стихи нацией. И, конечно же, спортивной. Пальма первенства во многих видах столь любимых в народе борьбы остается за нами.

Поток звездных спортивных имен не иссякает даже в нынешних, смертельных для народа обстоятельствах. Сегодня для чеченца добиться победы значит утвердить жизнестойкость нации. Кажется, это понимают и совсем юные наши дарования, мальчишки, приходящие в спортивные залы в разных концах мира. Там, куда их забросил ураган войны.

Так, несколько лет назад пришел в московский центр боевых искусств "Пума-Алтуфьево" мальчик Апти из Чечен-аульского рода Даудовых. Он, несмотря на юный возраст – всего восемь лет, новичком в спорте не был. Позади были занятия в Грозненской детско-юношеской спортивной школе, где под чутким тренерским руководством дяди Апти начал развиваться и укреплять свои неординарные природные данные. Он отлично учился в школе, а в спортзале легко побеждал даже троих соперников. Уже тогда мальчишка сумел завоевать звание на главных соревнованиях Чечни, Юга России, России и на чемпионате Европы.

Проклятая война прервала весь ход налаженной жизни, перечеркнула планы, стерла в пыль мечты. А мечта у Апти была совершенно определенная: на пьедестале почета занимать ступеньку только под номером один.

К счастью, рядом с талантливым мальчишкой были заботливые взрослые. Они не позволили обстоятельствам раздавить эту удачно начавшуюся спортивную судьбу. Руслан Даудов сам привел племянника в Центр боевых искусств "Пума-Алтуфьево" и, передавая его одному из лучших тренеров России Игорю Ревенко, сказал: "Веди Аптишку, не сворачивая, прямо до самого верха чемпионской

лестницы".

Уже тогда, в восьмилетнем возрасте, Апти стал двукратным чемпионом мира по тхэквандо среди своих 10-12-летних сверстников.

В упорных занятиях прошло пять лет. За это время юный каратист сумел завоевать все возможные титулы. Список его побед чрезвычайно внушительный: он многократно становился чемпионом России, пять раз абсолютным чемпионом мира, шесть раз абсолютным победителем Кубка Мира.

Ловлю себя на мысли о том, как легко перечисляются эти цифры – пять, шесть, ... А сколько за ними стоит труда, которого не боялся мой маленький соплеменник, сколько воли и настойчивости он проявил... Апти не только талантлив от природы, он еще отличается редкой даже для взрослого целеустремленностью. Известно ведь: талант и труд – все перетрут. Он трудится усердно и самозабвенно, отсюда и результат. Медали и кубки, признание зрителей не сами с

неба падают. Они завоевываются напряжением всех мышц, нервов и ... ума. Ведь тхэквандо – это не набор физических упражнений, не система каких-то движений, а целая философия. Тот, кто следует этой философии, умеет быть сосредоточенным и внимательным. Он смел и ловок, разносторонне смотрит на мир, придерживается высоких духовных принципов. Таков Апти Даудов, четырнадцатилетний победитель стольких больших состязаний, юный герой многострадального народа. Это не громкие слова, все так и есть на самом деле. Утверждать, поднимать на большую высоту имя своего народа можно и в спортивном бою на татами при этом неважно, сколько тебе лет. Вот как писала районная газета "Алтуфьево" о победе чеченского парня на чемпионате мира, проходившем в прошлом году в Германии: "...Финальный бой талантливого мальчишка из Москвы привлек внимание многих известных специалистов. Его напористость, быстрота и великолепная реакция не оставили никаких шансов противнику из Франции, явно превосходящему ростом и весом. Бой закончился досрочно ввиду явного преимущества юного каратиста из "Алтуфьево" Апти Даудова... Победив своих соперников в разделах кумитэ и ката, четырнадцатилетний Апти Даудов стал абсолютным Чемпионом Мира и, скорее всего, самым титулованным в своем возрасте Чемпионом по каратэ в истории российского спорта..."

13 сентября Апти Даудову исполнилось 15 лет. Он родился под знаком Девы, характеризующим людей пунктуальных, трудолюбивых, серьезных. Примечательно, что астрологи пишут об особом влиянии этого созвездия на Японию – страну, где и родился этот вид борьбы.

Сейчас, как многие из нас, Апти оторван от своей родной земли. Оторван физически, но не духовно. Моральный кодекс чеченцев кьонахалла питает его своими живительными соками, учит хранить верность мужскому слову, человеческое и национальное достоинство в самых непредвиденных и сложных ситуациях.

Когда-то Апти на состязаниях, проходивших в Венгрии, оказался лишь бронзовым призером в абсолютной весовой категории. В равной схватке судьи отдали предпочтение его противнику. Необъективность судей послужила восьмилетнему мальчишке серьезным жизненным уроком. Тогда он твердо сказал: "Впредь я не дам им повода для подобных сомнений!"

И сдержал свое слово.

КИПЛИНГ: «ЕСЛИ»

Хусейн ХАТАЕВ

Внешняя, видимая сторона жизни поэта зачастую кажется ничем не примечательной, носящей обыденный скромный характер. Внутренняя же отмечена особым духовным богатством, глубиной переживания, силой знания.

В чеченской поэзии такой личностью можно считать Хусейна Хатаева.

Какой бы род деятельности он, выпускник филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета, не выбирал в своей внешней жизни (самый молодой директор школы г. Моздока, учитель русского языка в республике Афганистан, преподаватель языка и литературы ЧИГПИ, аспирант МПГУ ...), главным для него всегда оставалась работа со словом. Это сделало его одним из уникальных обладателей богатств чеченского (наряду с русским) языка.

Наиболее интересной представляется его работа в жанре перевода на чеченский язык произведений русских и западных поэтов.

Искусство владения литературным словом делает его мастером, способным прервать молчание древнего инструмента, поразить для кого забытыми, а кому ранее неизвестными красотой и богатством звучания родной речи.

Сегодня мы публикуем перевод одного стихотворения английского поэта Р. Киплинга, приводя для удобства восприятия и русский перевод С. Маршак.

Нагахь

Нагахь висахь хьо цхьаь вьохна воцуш,
Массо вьохна хьокхуш шийла мохь,
Нагахь хилахь тешам дагчохь кхобуш,
Нах д'акехкаш, тешам байна хьох;
Нагахь хаахь собар долуш хьежа,
Пуьташ нехан ца бахь тергал ахь,
К'ю верг вихахь ахь ца ваьлла кьежа,
Т'кьа хьайх шайх а, диканиг ца вахь;

Нагахь бацахь хьуна болх сатийсам,
Нагахь вацахь ойланин хьо лай,
Нагахь толам, бохам боцуш хийцам,
Ахь теласахь массо хенахь байн;
Нагахь хаахь, бак'о ца луш лек'а,
Лан дош шалха даккхар лежиго,
Эшахь велахь кийча Бахам бек'а,
Яхь ца йжош, боло керла го;

Нагахь х'оттахь хьайн дерг цхьана метта
Боле дилла, доцуш цхьа а "дуй",
Долчух ваьлча, бага ахь ца еттахь,
Дохковаьлла, кхулуш б'аьргийн суй;
Нагахь хьобга г'ора, ойла гуллахь,
Хьо цхьаь висча, боцуш дег'ехь ницкь,
Шовкь ца магош царна лах'ян, хьульян,
"Латта!" – бохуш хьайга боцуш "ч'икь";

Нагахь гонехь к'ямел далахь маьрша,
Паччахьашца далахь иштта и,
Доттаг'I хастош, мостаг'I ца вахь аьшнаш,
Сий хьайн лардеш, лардахь нехан сий;
Нагахь елахь еза секунд, ала,
Х'орра минот ларахь ахь нек'ь беш,
Х'ара латта хьуна делла Дала,
Те хьо – Адам – цунна со ву теш!

If

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise;

If you can dream – and not make dreams your master;
If you can think – and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to broken,
And stoop and build 'em up with worn-out tools;

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
To serve you turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: "Hold on!";

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings – nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run –
Yours is the Earth and everything that's in it,
And – which is more – you'll be a Man, my son!

Если

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь, –

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым в сущности цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова –
Без прежних сил – возобновить свой труд, –

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и все начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестишь,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: "Держись!" –

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье.
И более того, ты – Человек!

Книгу Исы Асхабова "Чеченское оружие" можно считать очередной ступенькой в постижении культуры чеченского народа.

Появление такого жанра – более чем важно и своевременно. Казалось бы, стоило ли дразнить "воинственным" названием? Очевидно, автор тоже не один раз об этом думал. Но он нашел, как видим, верный ответ и потому двинулся в правильном русле, придя к блестящему завершению.

Для большей осязаемости и наглядности автор поднял огромный пласт источников: устные предания и сохранившиеся в отдельных чеченских семьях клинки; редчайшие музейные экспонаты и ценные воспоминания разных авторов разных эпох и т.д.

Интересно подведена историческая база. История – спетая песня, глубоко сидящая в народной памяти, и слова из нее уже не выкинешь. Народ, ее поющий, крепко держится за свои традиции, и потому песня становится вечной, щедро питает душу потомков этого народа. Современному читателю, как ребенку, так и взрослому, будет интересно, увлекательно, полезно перелистывать страницы этого уникального издания и пополнять свое знание истории.

Автор подобрал удобную – мягкую и в то же время прочную текстовую канву, на которую поступательно и романтично, от самой древности, наносит словесный и изобразительный национально-исторический орнамент – зарождение древнего оружия, тонко включая сюда и этимологию этого слова;

расцвет ремесла, развившегося до степени высокого искусства изготовления холодного оружия – в период XVII-XIX веков; производство огнестрельного оружия (здесь выплывает знаменитый мастер Дуска из Дарго, один из лучших изготовителей нарезного оружия, известного на всем Северном Кавказе и за его пределами). И наконец, авторский узор вырисовывает известную нам историю, когда метрополия, раздраженная непокорностью чеченцев и их блестящей оружейной оснащенностью, начала предпринимать имперские меры по их разоружению. История эта длится и по сей день...

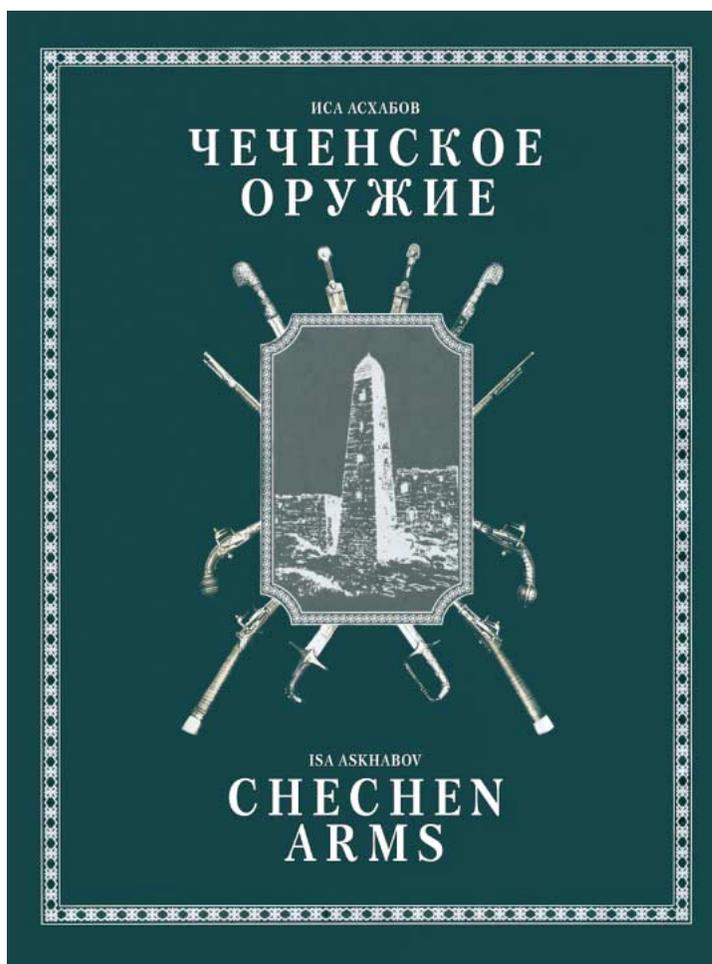
Та же история показывает, что, хотя оружие чеченской нации неотъемлемо от быта тем не менее чеченцы никогда не были агрессивными по отношению к чужим территориям в государственном аспекте. Напротив, терпели захватнические натиски различных сторон.

А вот к Слову чеченские люди всегда относились трепетно и могли быть им покорены. Рана, нанесенная оружием, залечивается врачом, та, что нанесена словом, долго кровоточит, да и убить может. В то же время искренне доброе слово способно сделать чеченца вечным другом ("Доброе слово ледник растопит" – чеченская пословица).

Неотъемлемое оружие чеченцев – чувство свободы. При этом талантливый, красивый и благородный народ хочет быть всеми понятным и готов расточать свою любовь каждому, идущему к нему с тем же.

Хотелось бы выразить глубокую надежду и большое желание, чтобы книга стала известна широкому российскому и зарубежному читателям, углубила их знакомство с действительной чеченской культурой, а не с тем криминальным срезом, который преподнесен миру средствами массовой сиюминутной информации (эти последние, увы, надолго исказили облик чеченского народа). Тем более важно, что автор нашел возможным снабдить книгу параллельным английским текстом.

Издание в целом, с его неожиданными и увлекательными иллюстрациями и интересным оформлением, – результат огромной аналитической, поисковой и исследовательской работы и заслуживает самой высокой оценки.

Инна Буторина (Беяева-Арсанова)
писатель, журналист

Для приобретения книги И. Асхабова «Чеченское оружие» обращаться по тел. (095) 782-42-99

г. Грозный. Картина Цоры Бервергер